

ДЕЛЪТА ЧУВЕТВ

ЦИКЛ КНИГ **МАТРИАРХА**
Виктор Миронов

16+

Виктор Иванович Миронов

Дельта чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39145432

SelfPub; 2018

Аннотация

Именно поэтому их деяниям было суждено уйти в забвение: быть потопленными мифом об Атлантиде (под островом нужно подразумевать полуостров Крым). Но сохранились обрывки в современной истории, такие как Балтийское море = Баал (сияние) + Тийя (всё сущее, четыре стороны горизонта со складывающимся крестом из четырёх т-символов). Вторая книга цикла "Матриарха". Художник: Ева Никольская. Обложка оформлена автором.

Содержание

Пещера рождений.	5
Пред чет	19
Лунное бдение – 1	27
Глава – 1	53
Глава – 2	70
Глава – 3	74
Глава – 4	84
Глава – 5	90
Счастливая Ханна!	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Итак, послушайте наставления сиятельства Тийи; блаженны те, которые хранят четыре стороны пути моего! Будьте мудры не отступайте от них. Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у врат моих и стоя на страже у дверей моих! Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть.

Притчи Тин – ниТ.

Пещера рождений.

Разум доставляет приятность, разумный действует со знанием, а глупый выставляет напоказ глупость. Дурной посол попадёт в беду, а верный – спасение. Притчи Тин_ниТ.

Видели ли вы пейзаж мистических грёз, залитый весенним свечением, в который погрузилась фантазия древнего воображения в её вечном слиянии с природой. Творческий Разум в этом пейзаже находился во всём, везде и поверх всего, а вакханический крик «Хе Вау Хе!» выражал вечно женственную природу под всеми формами, видимыми и невидимыми. В порыве эротического вдохновения он преобразил прекраснейший природный ландшафт маленького островка в Понтийском заливе. То был скалистый участок земли, изобилующий морскими заливчиками, украшенный белыми зданиями и купальнями, садами и рощами: одно – создание природы, другое – искусство людей.

Край Афродисий. Туда на ночь спускалось солнце. Это прекрасное место окаймлено голубой линией морского побережья. Уединённость местности нарушалась многочисленным людом, собиравшимся у погружённого в дрему пруда – зеркала Аштарет, с рощей, которая сужающимися уступами спускалась к зеркалу по скалистой складке лобного места. Лес рощи был так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно было неба. Внизу под сенью царил полумрак, здесь

всегда прохладно и влажно.

Утренний рассвет и вечерние сумерки в роще и в местах, открытых не совпадали по времени. Чуть только тучка облака прикрывала солнце, деревья сразу становились угрюмыми, и погода казалась пасмурной. Зато в ясный день наступившей весны, освещённые солнцем стволы деревьев, ярко-зелёная листва, цветы и сытные луга, принимали декоративный вид, тогда как на складках скал растительный слой почвы был очень незначителен, и от того корни деревьев на них не углублялись в землю, а распространялись по поверхности. Вследствие этого деревья стояли тут непрочно и легко опрокидывались штормовыми ветрами.

Всякий раз, когда мист, вступал в прилонную рощу Великой Матери, он невольно испытывал чувство, похожее на робость. Такое святилище – стихия, и немудрено, что жильцы с периферий Горизонта Хора, прежде чем переступить границу Матери Земли, отделяющей мрак от света, молились Эшмуну, проявлявшегося во всех мужских и женских образах и просили здоровья, замену больных органов и воскресения.

Тут у пещеры разыгрывалось одно и то же мистическое событие. Афродисия совершалась каждый раз на восточном берегу острова в дни весенних, летних, осенних и зимних равноденствий и солнцестояний, прямо под отвесным утёсом, к которому притулилось – дарами богатое и любовью взысканное – святилище Исиды¹. Двери в нём блестели пур-

---

¹ Исиза – дочь, Дейя – мать.

пуром меди, ступени вели к раковиннообразному входу из того же металла.

Этот священный островок назывался Красной Землёй – Ка Ра Аманд. Считалось, что здесь самое крайнее брачное ложе, на которое на ночь опускался Мелькарт. Холм, на котором располагался Пан Ти Капей именовали Гадир, что значит “крепкая скала”. На восточном мысе острова находился храм Мота-Смерти и сам город, а на восточном мысе – храм Мелькарта, известный своим источником, который во время приливов иссякал, а во время отливов наполнялся. Считалось, что храм отстоял от города на десять миль – по числу подвигов Мелькарта, на самом деле расстояние это было

больше, оно почти равняется протяжению острова от запада к востоку.

Торчащую из моря скалу, похожую на палец или колосс и называли – Абант. Разломы красного цвета с белыми полосами – стекающего с её вершины птичьего помёта, образовывали на скале карнизы. Должно быть древние люди, очутившись рядом с высокой красной стеной с белыми подтёками и подавленные её размерами, и громким гомоном птиц, испытывали смешанные чувства благоговения, смятения и страха. Абант почитался как итифаллическая святыня, содержащая в себе мощь четырёх светоч луны и солнца. У склона её раскинул дворцы город: свидетель грандиозных мистических церемоний финикийцев. Древние люди видели в этом колосе необоримого змея касающегося покоя Матери в её глубокой резиденции. Колосс (посох с вершиной из зрелого хлебного колосса) считался и символом абсолютизма власти дарованной матерью Хору.

Хор (народ) назначал судей, наделяя (Инь) Ханну и (Ань) Ханнона неограниченной властью, а через пророков толковал сны и давал советы, где и как вести военные действия. В тиникийском мире поклонение необоримому змею (Хор, смертельно жалящий врага) носило глубокий характер. Священного змея одновременно обожали и боялись, не сомневаясь в верховной его власти, даже Мелькарт воплотился в это, смертельно опасное создание, охранял мир Исиды. Изображение змеи являлось символом вершины власти. Но

воистину: «Мать дала, Мать взяла», выражая свою волю через жриц, Исида по осени объявляла, что надлежит старику (немощи) умереть, а значит совершить убийство седовласого Мелькарта. Хор² же – плодovitость народа, которая не познавала смерть.

Древние придерживались общей точки зрения на своё происхождение. Легенда гласит, что Баал Хаммон – Свет Тьмы, – человек в красно-чёрной мантии и с выбеленным лицом – посещал покои избранных Ханн³, после чего те будто бы беременели. Когда в народе рождался человек, женщина представляла его Мелькарту (Солнцу), как сына или дочь Ночного Светила. На весеннее рождество Великая Ханна была приёмной матерью первенца Милька – «Владыки Города».

Пещера рождения вдавалась глубоко в гору. Формы колонн, вокруг скалы, напоминали священные погрешушки, которыми отгоняли злых демонов во время родов Мелькарта. А по бокам медного щита входа стояли огромные статуи бога Эбеса – покровителя рожениц и отвратителя бед. Этот чертог символизировал женское начало: таким образом, пещера и колосс, как бы дополняли друг друга.

Как же могла обычная гора заряжать энергией огромный

---

² В смысле «народ».

³ Ханна и Хан – Те, Кто На Вершине (На Троне). Судьи: вроде суда двух истин Маат. Тут согласный символ “М” – женщина мать, и согласный символ “Т” – мужчина отец. Но союз этих двух согласных символов – “Маат” – проявлял женский образ, что утврждало право последнего слова женщины в суде.

духовный мир? Должно быть, она воплощала в себе логику Власти. Символы эти не только должны были подтверждать присутствие внутри горы плода Милька, но и служить свидетельством благословения Мелькарта. Это является естественным отображением сложных нравов древних в непрекращающейся борьбе за духовное объединение человечества.

Должность «Владыка Города» представлялась весьма зыбкой. Ни одна коронованная особа не была так мучима, как особа «Мощи» Солнца. Из века в век, из года в год, зимой и летом, несла она вахту. На ночь же Белый Человек, преображаясь, погружался в беспокойную дрему со смертной женщиной в воронкообразной складке Абантской горы. Малейшее проявление телесной немощи и утрата искусства владеть мечом ставили жизнь «Мощи» под угрозу. Седина означала смертный приговор четырём сторонам Горизонта Хора. От стариковского вида прелестный пейзаж мироздания мерк. В немощной фигуре плохо сочетались мечтательная голубизна Дневного Неба, меркла игра светотени в лесах и блеск морских волн на солнце. Немощь избирала долю старикам подобающую.

Давайте вообразим караимский пейзаж таким, каким он предстал перед стариком Мелькартом, когда толпой собрались люди к увядшему богу, по которому ветер пел погребальную песнь. Какую картину – положенную на музыку ханнаана – созерцал старик с седого массива Абанта?

Панорама, увиденная им, производила на зрителя чарующее впечатление: оно усиливалось по мере того, как начинали вырисовываться подробности ландшафта. Непрестанно чередуются острые вершины и пропасти, на дне которых блестят ленты рек и слышен шум водного потока. Это удивительные горы известные под названием Тавры, и они образуют проходы через горную цепь. Если не по высоте над уровнем моря и протяжённости, то по красоте и живописности очертаний гор, эти горы соперничают с самыми величественными пейзажами насыщенных обаянием южного края. Здесь нет ледяных массивов, тут нет картины увядания или замирания природы.

Несмотря на значительную высоту, на которой расположено ущелье и на прохладное время года, температура была так высока, что народ не прикрывался даже плащами. Миновав длинное ущелье люд оказывался на прекрасной равнине, более или менее возделанной и богатой виноградниками. Здесь росли живописные группы сосновых деревьев, здесь же были и оливковые рощицы. Спуск горы закончился. Север окаймлял горный массив. Этот горный массив становится всё грандиознее по мере того, как приближается лето.

Этот живописный предвестник наступающей весны предупреждал о том, что лучшее время года приближается и народу надлежит поспешить в край, где в весеннее равноденствие рождается солнце. С большой радостью народ спешит к волшебному храму девственной Тиннит (Светило Ночи),

откуда начнёт очередное путешествие юный Мелькарт – сын и супруг Исиды. Это было место, к которому можно было попасть морским путём, однако море было настолько бурным, что люди предпочли сухой путь морскому несмотря на то, что им приходилось делать большой крюк в горах.

Старик Мелькарт качал головой, глядя с вершины массивной горы по поводу своих отпрысков и их дел, о которых ему было известно больше, чем его Величество имело право показывать. Никто из жрецов не осмеливался показывать, что он знает больше, чем полагалось знать. Действительность они окутывали туманом иносказаний, которые с трудом поддавались определению. Пользуясь предписанными жречеством оборотами речи, каждое светское лицо знало, что кроется за преувеличениями и преуменьшениями, за культовыми прикрасами, а крылась за ними история – миф. При всей своей яркости миф представлялся притягательно популярным, не лишённым праздничного характера, поскольку он представлял мисту повторение и возврат к жизни, иными словами, текущей реальностью того, что было установлено правящей религиозной элитой и знакомо народу с незапамятной древности.

Отвлекать – такова цель лукумона, привлекать – его жизненная задача, его предназначение, а потому – не отвлекаясь для пересказа примеров наших дней – удовлетворюсь преданиями старины. Некоторые ясности в этих вопросах можно достичь, если дать определение им, как таковым: во всяком

случае, идеи отвлечения и привлечения прослеживаются в веках от самой глубокой древности, причём люди довели их до совершенства о какой и мечтать не могли праотцы.

Говоря предписанием преданий старины, народ решил посягнуть на жизнь божественного старика: посягнуть несмотря на то, что дни старого Бога, согласно календарю, и без того были сочтены. Мелькарт был стар и болен, и едва дышал, но его Величество не давало повода посягать на его жизнь, а давало – если угодно – прекрасный повод посягать на старость смертного, что делало замысел торжественным. Все знали, что Мелькарт являлся властителем красной земли и природы. Правил Он – во всём своём благословенном величии – покуда находился в юном, зрелом и даже на протяжении значительной части старости. Лишь, когда Бог совсем дряхлел, и к его Величеству приблизилась немощь и хворь, старость предпочитала за лучшее проститься с землёй и поспешить в преисподнюю, где кости его, превращались в серебро, мясо в золото, а волосы в чистейший лазурит. Тут драгоценная форма одряхления, но была она сопряжена с муками и страданиями, прекратить которые ему не удалось, испробовавши тысячу средств, ибо от превращения в серебро, в золото и в камень не спасает никакое лекарство. При таких обстоятельствах дряхлый Мелькарт не держался за земную власть, он видел, что из-за его немощи слабеет его род и духовный мир.

Весной Великая Мать решала, что час настал, ведь знание

Исизы⁴, как и знание самого Мелькарта, охватывало небо и землю. Не знала она лишь одного, лишь один изъян был в её сознании: неведомо было ей тайное имя Мелькарта, корень которого «млк⁵» означал знак «молчи», а с ним и ритуал смерти и воскресения. Неизвестно ей было самое важное его имя, знание которого давало власть над этим богом. (У лукумона Эшмуна имелось много имён и божественных личин, и каждая его ипостась окутывалась большей тайной, чем предыдущее лицо.) Самого же последнего и самого главного своего имени бог вообще не выдавал, по-прежнему именуясь именем «Молчи». Кому Мелькарт это имя назвал бы, тот превзошёл бы его могуществом и, захватив власть, заставил бы его пасть. Поэтому Исиза придумала, а, придумав, сотворила кусливого змея, чтобы тот укусил своё же лono в двуполой сущности Эшмуна. Нестерпимая боль от укуса, унять, которую могла только та, кем этот змей был рождён, заставит Эшмуна⁶ назвать рождённого единственно пра-

---

⁴ Дочь.

⁵ “МЛК” – без гласных букв (финикийцы не использовали гласных букв в письме), позволявшее произносить его в различных вариациях и, как – “молчи” и, как – “молоко” и, как – “не тронь меня” и, как – “мальчик” и, как – “царь города” с символическими дарами трёх времён года. Известно, что первые христиане использовали для символизации своей религии рисунок “рыбки”, то есть то, что она в себе скрывает – “молоку”.

⁶ Эшмун – апеллятив, заменяющий имя бога. По мифологическому словарю: умирающий и воскресающий бог растительности, бог-целитель, наделённый властью воскрешать мёртвых, почитавшийся в Финикии. Символ Эшмуна был змеем на шесте. Это Величество, которое орошает поля и имеет одну грудь женскую,

вильным именем. Как Исиза решила, так и совершила. Урей укусил её сущность и он, в тисках боли проявлявшейся и в нём, выдал одно за другим свои потаённые имена, надеясь, что на каком-то из очень уж потаённых богиня помирится. Однако Мать не отступалась от него до тех пор, покуда он не назвал ей самого тайного имени. Её власть над своим мужским двойником стала совершенной. Таково было предание известное любому человеку.

АНЪ ТИ ЧЕТЕРИ

В идее привлечения и в идее отвлечения – грандиозный пафос! С их помощью должны были произойти серьёзные социальные изменения, чтобы искорка истины переселилась в очередную идею религиозного христианского пантеона, развившей в эволюции мысли идею воздаяния за добрые и злые дела.

Центральное место в религии земледельческого государства, постоянно связанного с годовыми циклами развития растительного мира, занимали культы, регулирующие воскресение людей – покровителей плодородия. Религия была целиком ориентирована на земную жизнь. Даже таблицы Некрономикона – Книги Мёртвых, – целиком служили уставом земной жизни, да и награды и наказания от богов, человек должен был получить в этой земной жизни. Поэтому в богатой мифологии мы не находим мифов и гимнов, специально посвящённых загробному миру. Как правило, о нём лишь отрывочно говорится в мифах, рассказывающих об умирающих и воскресающих богах или описывающих подвиги и приключения героев в загробном мире. Тема загробного мира в мифах никогда не являлась основной.

В этом комментарии я рассказал тебе, благочестивый читатель, о первых смутных воззрениях, о «двойнике» человека, о двуполой раздвоенности космоса, о более или менее первом упорядоченном представлении о загробной жизни, от которой до нас лежит дистанция огромного размера.

Ещё больше времени потребовалось человеческому воображению пройти путь в развитии представления о том, как в этой реальной жизни человек будет наказан или награждён за свое поведение предками.

Пред чет

Я построила дом, заколола жертву, растворила вино своё и приготовила трапезу и послала слуг провозгласить с возвышенности городской: «кто неразумен, обратись ко мне!» Притчи Тин_ниТ

В 6668⁷ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. В Пан Ти Капую спешила на мистерию Тейя Ань Нетери⁸. Арба её была впряжена крепкими, кряжистыми мулами в красочной сбруе, увешанной бубенчиками, отгоняющих злых демонов. Головы мулов, катящих повозку, были целой поэмой бодрости. Глаза их, в глубоких впадинах, радостные: легкомысленный взгляд этих поддёрнутых синевой глаз, выражали покорность послушной скотины. В нём можно было прочесть равнодушие к ударам возничего, проистекающее от сознания тщеты всяких излишних усилий, ибо щелканье бича напоминало изредка, кто над ними хозяин. Длинные уши валились в такт неровному шагу. Прядь тёмной гривы запуталась в уздечке, а ремни её натирали костлявые выпуклости скул. Дыхание увлажняло ноздри этих животных. Часом ранее с рыжей шерсти этих мулов были смыты все подтёки пота, скопившиеся под брюхами в кольцах шерсти. Здесь

---

⁷ 1160 год.

⁸ Старшая жена Гет Бел Ра Амона (он же Гай Мельгард).

струи пота, как правило, склеивались с грязью и отвратительным коростоем налипал на задних конечностях. Легко вообразить это плачевное зрелище. Теперь мулы казались резвыми скакунами, годными красоваться у карусели. Арба катилась не спеша, особенно на подъёмах. Терпеливые животные, пригнув шеи, подстрекаемые бодилом, продвигались вперёд. Солнце миновало свой зенит. Мулы были бодры, шли резвым шагом.

В раскрытой арбе сидела женщина, имя которой – Тейя Ань Нетери, покровительницы подземных сокровищ, будто бы открывавшей тайну их местонахождения. В городе Мосул Кале – главном городе храма Тота⁹ – находился богатейший её кремник. Она непосредственно мать Исида и начала всякой вещественной жизни тихо дремали в ней. Она была легка, весела, беззаботна и свободна. Она была подобна кувшинке лилии, что плывёт по зеркалу воды, и не сомневалась, что корень её длинным стеблем пуповины уходит в тёмный ил глубокого дна пруда. В доме Гет Бел Ра Амона её считали посвящённой и сохранённой Гай Мельгарду, проявлявшемся в Гет Амоне, а это кое-что значило.

Противоречия между её единственным глазом и ртом не было, напротив, тут царил выразительная гармония, так как женщина не знала омрачающей строгости. Но соответствие между широким глазом и ртом возникло в ней постепенно, с годами, прожитыми ею в качестве иерофанты Исида и

---

⁹ Знания.

почётной Подруги. Что касается её тела, то Гай Мельгард не забывал все его красоты, ибо «сотканный воздух», тончайшая льняная ткань, которую она носила, целиком выставляла его на всеобщее обозрение. Можно сказать, что главным своим выражением тело соответствовало могучей женщине. Принадлежность к почётному женскому сословию подчеркивалось расцветом крепких грудей, тонкой спиной и шейей, нежными плечами и совершенными руками. Благородно стройные ноги, верхние линии, которых самым женственным образом переходили в великолепные бёдра и зад. Она была прекрасным женским телом. Более достойного мнения, чем мнение Гая Мельгарда, Ань¹⁰ Тейя не знала, и при встрече их глаз у неё возникали туманные, старинно-отрадные желания – образы начала и праначала – связанные с первозданным лунным яйцом. Она в глубине илисто влажной женской сущности была не кем иным как вакханкой пира любви.

---

¹⁰ Ханна (Ань) – дочь светоча. Хан – сын неба.

При взгляде на тело подруги в душе Гая выплывали из мрака древние предания, он не забывал о почётном положении лунной женщины в темнице храма, о которой напоминали её томные глаза. Это к её лону, колотя раскинутыми крыльями, припадал клювом дивный лебедь, ласково-сильный, белоснежно-пернатый Светило Дня и влюблённо вершил дело с польщённой и поражённой красавицей. Её рот снисходительно улыбался по поводу царственной деловитости лебеда, ведь Тейе было известно, что лучшие мгновения полноты жизни, женское тело испытывает не во время его деловитости, а тогда, когда Она – Исида, по торжественным ночам изгибалась под жезлом с белыми лентами в культовой пляске.

Без сомнения, её волновали дела мистические, притом глубоко лично, затем, чтобы одержать победу в пляске, игре на лютне и пением. Она проявляла интерес чисто личный и собиралась загореться желанием, подтвердить себя первой женщиной на Красной Земле. Она пользовалась особым, по сравнению с другими любимицами, расположением Гет Бел Ра Амона. Это расположение длилось несколько лет, в которых она – Тейя Ань Нетери, благоволила производить потомство – отпрыска Светоча Тьмы, которого она кормила молоком самым изысканным образом. Ради Ханны на Троне ей дано было право носить диадему с коршуном, не такую,

правда, чудесную, как у Великой Супруги – Кийи¹¹, но всё-таки серебряную диадему. Это обстоятельство, а также женская слабость к отпрыску своего Величества, играли главную для неё роль. Диадема соблазняла путать себя с хитроумной Исидой и в предопределённый такой ход мысли вмешалась ещё и честолюбиво слепая любовь к усыновленному дитятку. В её находчивом и возбуждённом старинной былью уме рождалась мечта посадить на трон Амона Ра плод собственного чрева.

Мечты, однако, терпели неудачу, хотя тейя слыла наилучшим образом женщины, а все необходимые приготовления Гет Амона велись с величайшей осмотрительностью. Он ухитрился даже похитить из хранилища некие магические предметы. Тейя изваяла из воска фигурки, которые украдкой были разбросаны у святилища. Они должны были содействовать успеху её чаяний, ибо они вызывали магическое воздействие на херусиастов¹². Но намеченное это дело сорвалось, а Гай Мельгард не решился надавить своей властью на «могучих». Посадить на трон Тейю Ань Нетери не удалось. Кресло – составленное из двух грифонов с человеческими головами и коническими тиарами – заняла другая женщина. Тейя же приобрела титул старшей супруги и подтверждение – обручение с Владыкой Надзора. В таких социальных отношениях нет ничего удивительного, так как их воззрения от-

---

¹¹ Великая жена Гет Бел Ра Амона.

¹² Херусиасты – члены городской или государственной хоры (сенат, дума).

ражали естественную стадию развития общества и его социальных отношений, общественной практики древних людей.

Знание мира древними не было лишено патетически-мифотворческого полёта. Это мифотворчество впоследствии было изрядно попорчено мыслью хронистов, многое из него было попросту разрушено и от того невосстановимо, почему и приходится автору этих строк увлекаться фантасмагорией. Сказать, что моё выпирание слов не имеют решительно никакого отношения к действительности нельзя. Я пишу вам, дорогой читатель, о людях незнающих любовного греха, о людях, расхаживающих в одеждах из сотканного воздуха. Я пишу о людях, чей культ Лунного яйца влёт за собой пристрастие к плотскому началу, к вольности сексуальных нравов, достигавших тут логического удовлетворения.

Не моё дело становиться в этих строках порицателем надуманной древними морали и осуждать мироздание, такой большой город, в котором так много жителей. Я отстаиваю безупречность морали, которая по воле возникшей идеи превратилась в неистовую менаду. То, что они от природы были распутниками и распутницами, это совершенно неверное представление и я, истины ради, хочу, во что бы то ни стало рассеять такое предубеждение. Когда вы, в конце концов, прочтаете строки историй, вы уже не будете помнить себя, вы не совладеете со своим прошлым. Вы изойдёте в муке, как жертва, от бичующей мстительной высшей силы, перед которой вы были в долгу из-за не информированности и тогда

уста ваши не смогут ответить Мирозданию холодным презрением.

Лунное бдение – 1

Не допустит Тиннит терпеть голод, но стяжание нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежная обогащает. Уста мои – источник жизни, уста мои заградят насилие. Притчи Тин_ниТ.

В 6712¹³ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Обстоятельства способствовали тому, что Алорк долгое время находился рядом с самой возвышенной женщиной, которая когда-либо жила на свете. Восхищение ею заставляло его следовать за ней ещё тогда, когда они не были ещё лично знакомы. А когда он близко узнал её, то преданность заставила его навсегда остаться рядом с ней.

Весь мир озарён был лучами её славы, мир не переставал говорить о её деяниях и восхищался ею, но мало кто знал об истинных чертах её характера, о естественных склонностях её души. Алорк восполнял этот пробел и для того, чтобы решать эту задачу, он пользовался дарованным ему судьбой преимуществом писаря. День за днём он постоянно находился рядом с Тейей, собирал и записывал всё, что на его глазах происходило с ней, всё, что она говорила. Но Тейя Нетери никогда не приступала к внимательному прочтению всех важнейших событий своей жизни, полагая, что только понимание всего произошедшего может дать ключ к осмыс-

---

¹³ 1204 год.

лению написанного. Поэтому, в свою очередь, Алорк представляя свой дневник, приводил только факты, касающиеся её жизни.

В 6668¹⁴ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Тайт Мосулу – старший сын Тейи Нетери исполнилось четырнадцать лет, когда потребовалась инциация. Требовалось подтвердить звание Осириса¹⁵; вся семья находилась при Пан Ти Капище, а он сам был представлен храму. Имя и положение в обществе давали мальчику надежды, в соответствии со взглядами и обычаями того времени, что он сможет решать дела по своему выбору.

Таким образом, побуждаемый справедливым чувством долга и движимый естественной склонностью к намерению стать солнцем, он был первым, кто поспешил и встал на сторону выбранного ему на подмену, – чтобы, как говорилось, спасти старшего сына от жертвы. Тут образ жизни, в соответствии с которым его воспитывали, который требовал от него здравого мышления, чтобы противостоять надвигающейся стремительно лавине жизненных событий.

– Скоро роковое событие для того, кто примет в нём участие, – проговорил Тайт Мосул. – Амалек, отвергнутый на собственной земле, не моргнув глазом, высадится на жаркое

---

¹⁴ 1160 год.

¹⁵ Сословие старших сыновей – в последствии из него сложится сословие «рыцарей».

побережье, где его будет ожидать Величие.

– Тебе очень повезло в том, что не будешь участвовать в такой вот высадке, – ответила Тейя сыну. – Ты посвятишь это время размышлению о прекрасной альтернативе. Твои мысли, принципы и планы будут полностью расстроены или кардинально изменены.

Не впадая в отчаяние от назревавшего события, отрешившись от окружавшего его привычной среды, Тайт полностью посвящал себя образовательному кругу храма Тота, чтобы в результате быть полезным для других.

– По прошествии ряда лет ты сынок, вновь откроешь нам врата солнца.

– Солнечная собственность на небе у меня, закон даёт мне право на это наследуемое имущество; но ничто не может заставить забыть родную землю или уничтожить очарование возможности дышать воздухом.

– Ты спешишь в Пан Ти Капую и будешь благодарен за предоставленную тебе амнистию, воспринятой мною сынок с большой радостью.

– И оттого я смогу с гордостью заявить: я получил солнце без малейшего повода для угрызений совести. Когда скоро будет провозглашено солнце, я буду охвачен весьма своеобразными чувствами, да и моё положение станет очень необычным, – Тайт словно был солдатом, наказанным задело, которое в итоге восторжествовало.

Каждый новый день приближал к прошлым идеям, кото-

рыми народ всегда руководствовался: восстанавливалось всё то, что было для него дорого в принципах и убеждениях. Тем не менее, щекотливость подмены жертвы и свойственное подмене этой чувство, обязывало народ держаться от всего этого несколько в стороне.

– И иного ты не признаешь; старые друзья предложат тебе воспользоваться всеми выгодами новой судьбы, которую ты выберешь по своему вкусу, – подсказал мать.

Будучи не в состоянии усмирить противоречивые чувства, будоражившие разум, Тайт продолжал придерживаться самоотречению. А тем временем беспрецедентные события следовали одно за другим с чрезвычайной быстротой. Они были столь необычного характера, что ни один человек, чьё сердце обладало склонностью к чему-то высокому и благородному, не мог безразлично наблюдать за ними. Слава страны возносилась до высот неведомых историй. Ожидаемый порыв к совершенствованию охватил всё; тартессийская армия не имела себе равных, вызывала страх и справедливую гордость. Но Тейя Ань Нетери поставила свою державу впереди Ань о Кийской и построила Киевец у Боровицкого холма в принижительном образе, не делая из него вершительницу судеб. И окружила себя варяжской гвардией.

Быть азсаком¹⁶ означало, что человек удостоился великой чести. Именно в этот период Тейя Нетери призвала на служ-

---

¹⁶ Азсаки: Исиза Саки = Гуси Исизы. Исиза в роли пастушки.

бу несколько первых родов Сак Ань Тинии¹⁷ и велела распространить среди остальных информацию о том, что она будет рассматривать представителей тех родов, которые останутся в стороне, как плохих азсаков.

– Я не поколеблюсь ни на минуту. Я скажу себе, что выполняю обязательства естественной своей присяги, выполняю обязательства перед своим происхождением и останусь верна присяге, пока она не исчерпает себя.

– Серьёзное убеждение в величии Сак Ань Ти убеждают меня в том, что у нас появится новый Гай Мельгард, – признавалась мать.

– Долго ли колебались наши предки, когда решили сплотиться вокруг первого Гай Мельгарда?

– Поэтому я отвечаю тебе, что тебе повезло, что таким образом ты имеешь право откликнуться на новый призыв.

– В результате этого призыва я немедленно получу доступ к солнечному двору.

– Не желает ли сынок присовокупить к обязанностям этой почётной должности дополнительное полезное занятие, чтобы принять под свою ответственность всё то, что относится к военно-морскому ведомству, я походатайствую в хоре и надеюсь получить для тебя это занятие.

– Во время последних невзгод, маменька, я получил некоторые утешительные доказательства того, что жители га-

---

¹⁷ Волжская скандинавия.

бии¹⁸, которых вы посетили, остались довольны вашими действиями.

– Провидение, однако, не положило предел нашему процветанию. В результате моё положение стало ещё более своеобразным, чем оно было четырнадцать лет назад. Дело, ради которого я жертвовала собой, ради которого я так долго пребывала в состоянии самоотречения в конце концов возторжествовало.

– Что может быть более своенравным, чем моя собственная судьба? – Пережевал Тайт Мосул. – В результате я могу потерять свои наследственные права и могу лишиться жизни.

– Я оказалась теперь в числе вершителей власти, но не подчиняться всеобщему призыву невозможно.

– Разве может кто-либо понять, что творится в моей душе? Как сильно, кажется, всё там изменилось! Я пришёл к выводу, что это моя личность претерпела большие изменения, – признавался Тайт.

– Едва лишь ты вернёшься, как придёт новость о том, что на побережье Червлёного моря появился папенька Гай Мельгард; он проделает путь до столицы без единого сражения и пролития крови. Я думаю, что ты станешь свидетелем того, как бесчестья от вражеских рук будет стёрто и наше величие восстановлено.

Алорком было записано:

---

¹⁸ Земля: в восемнадцатом веке подменится словом «Египет».

«Как только я узнал о прибытии Великой Матери к Пан Ти Капищу, то немедленно отправился ко двору, чтобы служить её персоне. Я был непосредственным свидетелем встречи с ней Гай Мельгарда. Она потребовала разрешения принять участие в дальнейшей его судьбе. До этого момента в кремнике царила атмосфера безразличия, некоторые лица сочли её поступок даже безрассудным, поскольку она пребывала в кремнике в качестве Исиды.

Гай Мельгард спросил:

– Вы понимаете, куда может привести вас ваше предложение? – не скрывал своего удивления он.

– Об этом я не думала, – отвечала она.

Гай Мельгард принял её предложение.

«Итак, я напомнил вам о множественном воскресении Мельгарда, посмотрим, сможет ли человек подвергнуть сомнению этот факт. Поэтому я приступаю к решению моей задачи».

В 6660¹⁹ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Гай Мельгард ушёл за Прекрасный Мыс и стал брать угурийские города один за другим. Югурта, уклоняясь от битвы, уходил всё дальше на запад, но был разбит наголову. Это была последняя его битва, в которой участвовал Югурта. С остатками свиты он бежал за Дунай в нумидию. Тем временем Гай Мельгард продиктовал Югурте условия мира, по которым к

---

¹⁹ 1152 год.

образовавшейся тракии²⁰ отошли те территории, что были за Прекрасным Мысом. Гет Бел Ра Амону оставалось закрепить за собой сделанные завоевания, особенно на отдалённых окраинах острова Ка Ра Аманда, и организовать приобретённые области.

Состоялся триумфальный въезд Гай Мельгарда в столицу, ему были оказаны неслыханные почести. Однако он распустил когорты. С этого времени положение его в Пан Ти Капуе стало колебаться. Ему не исполнили обещания дать земельные наделы его ветеранам. В это время на помощь ему явилась Тейя Ань Нетери, которая, вооружившись варягами, искала поддержки Гая Мельгарда. Она, во главе комиссии, занялась раздачей земель.

В 6661²¹ *лето от Сотворения Мира в Звездном Храме*. Тем временем начались беспорядки ветеранов, они уже не раз нападали и держали в осаде дома. Бездействие Гай Мельгарда произвело переворот в общественном мнении. Он, желая вернуть себе прежнюю власть и силу, предложил не отправляться на войну с бывшими наёмниками, а остаться в Пан Ти Капуе, под предлогом заботы о столице. Гай Мельгард, воспользовавшись беспорядками, выставил свою кандидатуру на продление верховной власти Гет Бел Ра Амо-

---

²⁰ Тракия = Фракия, в обратном прочтении – графство. Территориальный округ колонизированный таргессией.

²¹ 1153 год.

на. Но ему, неожиданно, предстояло выдержать смертельную схватку за само своё существование.

Всё началось с нерасчетливой скупости. Стояла сложная задача вывести наёмных тракиев на родину и выдать им жалование, но Гай Мельгард вознамерился заставить наемников отказаться от причитавшейся им доли жалования. В казне недостаток средств. В результате жизнь в городе была нарушена. Гай Мельгард оказался не в состоянии нормализовать положение и, желая избежать худшего, решил отправить наемников на юг, в город Угурсунь, расположенный в самом центре владений Пан Ти Капуи. Отправляя наёмников на юг, Гай Мельгард своими руками создал центр мятежа. Воины отправлялись в Угурсунь, надеясь скоро получить своё жалование: ведь небольшую сумму на прожитие им все-таки выдали, так что их надежды, казалось, были оправданны. В лагере наемники наслаждались отдыхом, к которому они давно стремились.

И к этим людям наконец прибыл Гай Мельгард, однако он повел совсем не те речи, которых от него ждали. К великому разочарованию своих слушателей, он долго распространялся о трудной борьбе тартессии с раамонеей и положении Пан Ти Капуи. Он настаивал на том, чтобы наёмники согласились отказаться от какой-то доли своего жалования. Естественно, в лагере начались волнения, на солдатских сходках зазвучали гневные речи.

«Все было наполнено, – пишет Алорк, – непониманием,

недоверием, беспорядком».

Прервав переговоры, наемники двинулись к Пан Ти Капуе и расположились лагерем в непосредственной близости от города. Не имея возможности организовать оборону, Гай Мельгард сам, своими руками создал непосредственную угрозу столице. Наёмники считали, что, добровольно отказавшись от командования он их предал. Однако Гай Мельгард явился и приступил к раздаче денег. Однако именно теперь, когда конфликт, казалось, был близок к разрешению, мятеж стал открытым и особенно ожесточенным.

В этой ситуации командование новыми контингентами войск было передано Гаю Мельгарду. В его распоряжении находились всего около 10000 воинов – новые наёмники. Он установил свое господство на всей территории, непосредственно примыкающей к Пан Ти Капуи.

Однако, когда Гай Мельгард расположился в долине, поблизости от него с фронта появились мятежники, в тылу заняли позиции нумидийцы Югурты. Он очутился в западне. Гибель его когорт казалась неминуемой. Обнаружилось, что мятежники допустили серьезную ошибку, приняв помощь нумидийцев. Нумидийцы перешли на сторону Гая Мельгарда и привели в его лагерь отряд численностью около 2000 человек.

Вопреки ожиданиям Гай Мельгард отнесся к пленным миролюбиво. Вместо расправ он позволил желавшим снова поступить к нему на службу, а остальных отпустил кто куда по-

желает.

В 6664²² *лето от Сотворения Мира в Звездном Храме*. Гет Бел Ра Амон принял вызов и перешёл за Прекрасный Мыс. Он торопил военные приготовления и не случайно обратился именно к Исизе Пании. Народы тут объединились в ходе ожесточенной борьбы против Тартесса. И понятно было, что именно Исиза Пания была наиболее удобным плацдармом для организации похода на юг к Босфору. Гай Мельгард решил вторгнуться на Балканы с севера. В течение девяти лет он расширял сферу тартесийского господства, ведя войны и переговоры, пока не погиб в бою.

Высадился Гай Мельгард в Днестровском лимане, а ареной его боевых операций было левобережье реки Дунай. Ему удалось одержать важную победу и стремясь привлечь на свою сторону недавних противников, он включил в свою армию пленных вражеских воинов. Удалось ему и прочно закрепиться, и подготовить расширение тракийского господства в Исизе Пании, основав здесь крупный город, названный Акра Левке – «Белая крепость» или «Белый холм».

Исиза Пания доставила Гет Бел Ра Амону громадную добычу. Он использовал её для раздач воинам; она посылалась и в Тартес для того, чтобы упрочить свою популярность в среде народа. Гай Мельгард имел все основания быть довольным исходом своих дел: он не только не должен был от-

---

²² 1156 год.

казаться от сделанных им приобретений, но, наоборот, получил возможность расширять свою территорию. Гай Мельгардд поспешно повёл к Дунаю, 5000 инфантеров и 300 всадниками. Когда известие о приближении Гай Мельгард дошло до Югурты, он удалился с войском на правый берег Дуная.

У Алорка в дневнике записано письмо Югурты тех дней:

«Ты Гет Бел Ра Амон, ведёшь войну с человеком прославленным, могущественным, жадным до власти и удачливым. За мной следуют многие, ставшие твоими недругами из-за того, что считали себя несправедливо обиженными, а также те, кто не связан с тобой родственными узами. Власти не разделил с тобой никто, и, если бы ты смог это стерпеть, война не потрясла бы всего мира».

Три года пребывания у берегов Дуная не прошли бесследно: надо иметь в виду впечатление, полученные Гай Мельгардом в культурной, богатой, упорядоченной Исизы Пании. В конце концов он окончательно занимает сторону Тейи Ань Нетери. Он требует закончить постройку Пан Ти Капища, храма в столице. Тейя Ань Нетери повелела отсчитывать от этого момента новую эру. Сама же она приняла официальный титул Старшая жена Амона Ра.

В 6712²³ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Великий писец наблюдал за этой женщиной, когда она шествовала одна вблизи открытых окон, – видимо для того, чтобы

---

²³ 1204 год.

её образ не пропадал. Едва ли он мог поверить, что в проявлении своей досады при виде безразличия к ней она ограничилась бы только тем, что в ярости кусали губы. Тем не менее, именно эта женщина составляла самый фешенебельный круг светского общества столицы! Окна дворца выходили на большую площадь, которая беспрестанно заполнялась возбуждённой и счастливо настроенной к ней толпой: некоторые передавали ей записки, другие шептали какие-то дружеские слова; все они заверяли её в том, что она может чувствовать себя совершенно спокойно, так как благоразумные жители защитят её. Женщины из числа населения в слезах целовали её руки, многие местные жители предлагали сопровождать её, чтобы она избегала встречи с врагами.

Воспользовавшись первой же минутой, Алорк записывал:

«Исключительная важность события: я нахожусь в составе свиты Теийи Ань Нетери в момент её отъезда в Исизу Тан Бул²⁴, я не могу оставить великого человека, которая так доблестно правит нами и которая готовит экспедицию, чтобы способствовать величию её, и бывшей её мощи. Я не могу не позволить ей не прибить щит к воротам города, уступив своему желанию следовать за ней. В те дни, когда она преуспевала, она удостоила меня чести выказать мне свою благосклонность; теперь я обязан отплатить ей всем, на что я способен, будь то мои чувства или мои поступки».

Теяя Ань Нетери два или три раза появлялся на балко-

---

²⁴ Современный Стамбул.

не. Однако было очевидно, что, находясь в центре всеобщего волнения, она сохраняла спокойствие и решительность. Она продолжала оставаться даже несколько безразличной к происходившему вокруг неё. Адмирал флота, который командовал четырьмя сотнями военных кораблём, от всей души хотел осадить и возвратить город Тейе. Он предлагал взять на борта своих кораблей дополнительный десант и таким образом увеличить личный состав армии. Он был готов немедленно отплыть с ней к Исизе Тан Булу. Он просил только небольшую добавку провианта для моряков и солдат. Тейя Ань Нетери согласилась с предложением адмирала. Вечером Тейя Ань Нетери проследовала на флагманский корабль, сопровождаемая приветственными возгласами местных жителей повсюду, где бы не проносили её носилки. Она спала на борту галеры, на которую вступила в тёплый вечер.

Алорк сопровождал Великую Мать, когда она рано утром всматривалась в крепостные сооружения Пан Ти Капуи. Она отправлялась к варяжским военным кораблям, чтобы выдать охранные грамоты, для того чтобы флот мог проследовать до бухты Золотой Рог. Варяжские галеры последовали в море и вскоре бросили якоря в бухте Золотой Рог, чтобы находиться поближе к раамоньянам засевших за стенами; таким образом, корабли встали почти вплотную к стенам. Военные галеры заблокировали выход из бухты. Судя по всему, Тейя Ань Нетери находилась в состоянии полной неопределённости в отношении того, какого именно плана ей должно при-

держиваться. Со всей территории Балкан к ней поступали предложения о пополнении армии.

От защитников же стен пришло заявление, что они придерживаются мнения, что Тейе Ань Нетери, вне всякого сомнения, у стен будет оказан нерадушный приём: копьём и мечом, она будет встречена с самым большим воодушевлением, и с ней будут обращаться подобающим образом поскольку она осуществляет деспотическую власть. Что отовсюду в горд шлюют предложения возглавить борьбу против вторгнувшихся на территорию страны вражеских войск.

Необходимо было принимать решение. Тейя Ань Нетери собрала всех вместе, чтобы провести некоторое подобие совета, на котором были бы обсуждены все шансы штурма. Попытка прорвать стены была признана перспективной, а об использовании шлюпов уже более никто и не думал. Таким образом оставалось одно: возобновить войну в полном масштабе. Варяги не будут настолько безразличны к своей славе, чтобы не воспользоваться таким счастливым для них обстоятельством.

Исходя из этого предположения, Тейя Ань Нетери диктовала письмо. Алорк аккуратно записывал.

«Являясь жертвой борьбы храмов, раздирающей Габью, и жертвой вражды ко мне великих держав, я возвышаю свой трон. Я, Тейя Ань Нетери, возвратилась к своему очагу. Возвращаю себя под защиту его законов, которые я требую от наиболее могущественного, наиболее непоколебимого и наи-

более великодушного из всех моих противников. Ваша Исида.»

Теперь все её мысли были заняты только одним: подготовкой к следующему дню. Тейя находилась среди самых преданных друзей, – тех, кого постоянно пичкали слухами о себе, и тем она обретала над ними влияние, которое являлось следствием её славы. Команда корабля так же переняла этикет, свойственный её свите. Все оставались с непокрытой головой в её присутствии. Никто не входил в её надстройку, за исключением обслуживающего персонала; за её стол садились только те, кого она приглашала.

Не пропуская ни одного дня, Тейя Ань Нетери обычным дневным переходом сгрузила варягов на берег. Свою палатку она поставил у самого берега, так что волны почти что разбивались об нее. Это она сделала с той целью, чтобы все были со дня на день и с часу на час готовы к штурму стен. Но погода не благоприятствовала, тем не менее она держала инфантериев и варягов в работах, чтобы никоим образом не пропустить удобного момента для подъёма на стены. Жители этой провинции сообщали об огромных боевых силах противника, а именно о бесчисленной коннице, о многих когортах, но это её не смущало: она была спокойна и полна надежд. Тем временем со дня на день приходило всё больше грузовых судов с провиантом, собирались союзники, желающие растерзать богатейший город.

Когда инфантеры приблизились к стенам, где стоял гар-

низон раамониян, показался стратег, проехавший по плато широких стен с конницей, состоявшей приблизительно из трех тысяч нумидийцев. Ввиду этого инфантеры простояли некоторое время перед стеной после чего разбили перед городом лагерь, в котором и держались, не причиняя никому вреда и запрещая своим солдатам грабить местных жителей. Тем временем горожане заняли стены вооруженными людьми; немалое их количество расположилось и перед воротами для обороны.

Тейя Ань Нетери объехала город кругом и, познакомившись с характером местности, вернулась в лагерь. Она обвинила стратегов в недосмотре стен, что они своевременно не указали, куда инфантеры должны были направляться, и, вопреки своему прежнему обычаю, она дала варягам приказ с тем, чтобы они все до одного направились в определенное место. На этот счет она отнюдь не ошибалась; она предполагала, что теперь её таврийская гвардия не может оказаться безопасной для врага. Они её опорный пункт и надо только ловить счастливо подвертывающийся случай для штурма.

Тейя Ань Нетери пишет письмо и его доставляют в город. Она провела у города одну ночь и часть дня, не получая ответа. Остальные союзные войска всё ещё подходили, но для осады города по-прежнему недостаточно было сил. Да и наличные союзники состояли из ватаги.

Город был отлично укреплен, так что трудно было подступить к нему для штурма. И вот вдруг городская когорта

сделала вылазку из города. Они заняли лагерь инфантеров и начали преследовать его арьергард. Как только это было замечено, инфантеры остановились, и при своей малочисленности с большой смелостью вступили в бой с подавляющей массой неприятелей.

Произошло нечто невероятное: инфантеры, числом менее двухсот, разбили наступавшую когорту и отбросили ее в город. Из города вышли к Тейе Ань Нетери навстречу послы с обещанием охотно исполнять все её желания. Поэтому она поставила у ворот города сторожевые посты, чтобы ни один солдат не входил в город и не чинил обиды кому-либо из жителей. В армии недоумевали, что означает этот замысел Тейи, и потому всех волновала печаль. Они не усматривали в настоящем положении дела никакого для себя утешения в грабеже, если не считать выражения лица Тейи Ань Нетери, её бодрости и удивительной весёлости: она выказывала дух высокий и отважный. Таким образом, штурм был прерван, от противника перебежало к Тейе Ань Нетери много народа и, кроме того, было захвачено много раамонейских всадников и пехотинцев с дальнейшим предоставлением им свободы.

Так как в провинции существовало сомнение относительно прихода Тейи Ань Нетери и многие были убеждены, что это не она, то Великая Мать разослала по всем городам письма с извещением о своём прибытии. Не теряя времени и не позволяя себе никаких ссылок на зиму и на погоду, она обна-

ружила в себе такую торопливость и нетерпение, что уже на следующий день, после посылки писем позволяет себе оказать помощь молящим её о защите! Даже привилегированные варяги вступали в разговоры с пленными раамониями, условившись не трогать друг друга.

Тем временем Тейя Ань Нетери выстроила свое войско недалеко от своего лагеря, всего в трехстах шагах от ворот, и по истечении полудня прибила свой боевой щит к воротам. При известии таком народ выходил на дворы, понемногу, спокойно и без суетливости. А тем всадникам, которые стояли на карауле, она отдала приказ держаться на тех местах, которые они занимали раньше. Равным образом и коннице отдан был приказ быть всем на своих местах, вооруженными, в полной готовности. При этом ей не было надобности делать все это лично, но с присущим ей удивительным знанием военного дела она отдавала все необходимые распоряжения, через разведчиков и гонцов. Все это она делала не потому, что сомневалась в победе, но потому, что считала небезразличным, какова будет эта победа. Она находила для себя допустить мысль, что после блестящей победы она одержала победу над остатками бежавшего неприятельского войска.

Случилось нечто невероятное – перед войсками союзных держав капитулировал Исиза Тан Бул. Это был дерзкий и точно рассчитанный удар, нанесенный в спину раа монеи. Горожане, уставшие от бесконечных войн, восторженно встре-

чали войска Тейи Ань Нетери.

Алорк писал:

«Горожане радовались, что их завоевали. Жители не хотели больше сражаться. Носилки Великой Матери встречали криками: «Здравствуй Мать! Вечная жизнь! Смерть врагам!» Ярённые женщины, крича здравия властелине. В носилки летели цветы. Тейя Ань Нетери была под впечатлением трогательного приколачивания щита к вратам».

Исиза Тан Бул чудился ей чуть – ли не землей обетованной.

– Нет, хватит! – говорила она своим спутникам. – В Исизе Тан Буле я буду счастливее, чем где-либо раньше. Возвысившаяся Тейя Ань Нетери прибыла в своё прежнее владение.

В Ань Ти о Кийю она отправила следующее послание:

«Я возвысила свои права в интересах Отечества, и я резервировала за собой суверенитет и владение Исизой Тан Булом, на что требую согласие всех держав. Соблаговолите поставить себе в известность о моём прежнем статусе и о сделанном мной выборе, которым я остановила незаконное пребывание раамонян у колыбели Исизы. Сообщите раамоньянам, что все они станут предметом моего постоянного внимания и сосредоточения моих самых насущных интересов».

Тейя Ань Нетери считалась основательницей грааля Исизы, но она давно не пользовался этим титулом, справедливо видя в себе Исиду. Теперь она развернёт в городе бурную

деятельность. Она улучшила снабжение города питьевой водой. В нём построили лазарет и больницу. Каждый дом оснастили отхожим местом. Полностью привели в порядок сеть городских дорог.

Паруса небольших судов, рыболовецкие сети, плоские крыши домов, – всё напоминало Пан Ти Капую. Но она быстро освоилась с новым для неё положением и писала в прежнюю столицу:

«Совсем не трудно привыкнуть к спокойной, созерцательной жизни, если имеешь резервы в самой себе. Я много работаю, сидя в кабинете, а когда выхожу из дворца Исиды, испытываю мгновения счастья при виде моих варяжских гвардейцев. Для меня же, которая всегда была солдатом, а Великой Матерью стала случайно, помпезность всегда была в тягость, война и полевой лагерь мне больше подходят. Из моего великого прошлого мне жаль только моих погибших варягов. А самым ценным представляются несколько кольчуг моей армии, которые мне дарены».

Главной резиденцией Тейи Ань Нетери стал Собор Исиды. Грубоватое строение главного здания возвышалось над гордом. Описание этой усадьбы сохранил в дневнике Алорк:

«Вдоль дома со стороны цветущего сада тянулся вал, защищенный от лучей солнца навесом такой же длины. По утрам, когда бывала хорошая погода, навес разворачивали, чтобы Мать могла прогуливаться в тени. Преимущество навеса состояло также в том, чтобы в утренние часы он

защищал от слишком сильной жары комнаты её Величества. В западной части сада на тумбах, обрамлявших вход в маленький цветник, стояли большие вазы, в которые с наступлением ночи ставили лампы. Этот мягкий свет нравился Великой Матери».

Дни Тейи протекали по раз заведенному порядку. Вставала она, как правило, глубокой ночью. Спала мало и тревожно.

Алорк, главный писарь, пишет:

«Она просыпалась много раз за ночь. Могла спать, когда хотела. Ночной сон был коротким, спала ли он подряд или с перерывами. Вставала она в веселом настроении. «Открывайте окна, чтобы я вдохнула воздух, созданный сокровищем», – была его первая фраза. Сразу после пробуждения она диктовала письма и приказы по державе. Из дома выходила на заре. Она завтракала, затем совершала прогулку и принимала любопытствующих, приезжавших в город посмотреть на того, кто не одно уже десятилетие будоражила Тини Кийский Торговый Путь²⁵. Каждую встречу хозяйка города использовала для получения новостей, принимала представителей держав, наблюдавших за её деятельностью.

Бывала довольно откровенна:

– Упрямство моё возвело меня на высокий престол. Я по-

---

²⁵ Торговый путь – Белое море, Волга, Дон, Червлёное море, Босфор, Эгейское море, Средиземное море, канал в Египте в Красное море.

лагаю, что мне не следует перемещать характера Величества. Мне говорили, что я человек способный; я сама это знала, я возводила себя выше и выше, потому что мне сего хотелось. Я предполагаю, что Кийя²⁶, воспитанная в ранних тонах, воспользуется случаем, чтобы сделать против меня заговор. Свидетельство её поступков недвусмысленно говорит об одном: низвергнутая исполиниа живёт прошлым, и тщетно старается заглушить воспоминания о своей бурной деятельности на маленьком клочке скалы, у вод срединного моря.»

В полдень она обедала, одна или с писарем. Обед весьма неприятелен – чечевица, фасоль белая и зеленая, которую очень любила, приготовленная различными способами, даже просто отварная, очень ей нравилась. За столом она пила обычно вино, сильно разведённое водой, но употребляла вина наивысшего качества. После обеда читала писарю свои воспоминания. Удалившись в свои апартаменты, она надевала халат, проходила в кабинет и ждала Алорку. Там она диктовала, на что уходило много времени, до сумерек. Ей это шло весьма на пользу. Вечер проходил в оживленной беседе. Иногда Тейя Ань Нетери путалась. Но ласково выговаривала Алорку:

– Алорк, вы ошиблись, вы можете сделать ошибочную записать, – парировала она свою ошибку, – я безукоризнена, и

---

²⁶ Кийя – Великая жена Гет Бел Ра Амона. Резиденция на вершине скалы Антиохии.

вы должны безукоризненно записывать.

Он отвечал:

– Вы знаете, что говорите. Положение событий может измениться, но если вы однажды снова ошибётесь, то окажетесь на моём попечении, вы будете благодарны мне за то, что я помню сегодня.

На долю старухи матери выпало немало испытаний, что окончательно закалило железный её характер. Старуха была достаточно умна, чтобы с сомнением относиться к суетности и непрочности всего произошедшего вокруг её великого сына.

Она говорила о нём:

– Он не обладал политическим тактом. Я разгадала его, и он ещё не успел организоваться, как я уже знала, чего он стоит, и делала при этом вид, что не обращаю на него внимания.

Ань Баал, второй сын, любил мать, и его захват Ань Ти о Кийи, безусловно, скрашивал свершившуюся оторванность его от матери, и старых её политических страстей, и амбиций. Потому и характерна была в этом плане такая её деталь: каждый вечер она заканчивала наигранной фразой «Ах, скажу ли я тебе, сыночек». После чего она прощалась с присутствующими и уходила на покой. Она обязательно подходила к вышитому образу сына на холсте и говорила:

– Ну что ж, мы поступили как влюбленные, мы поссорились! Но влюбленные мирятся, а примирившись, мать любит сына ещё сильнее. Прощай, доброй ночи, помирился!

Алорк донёс до нас этот эпизод:

– Тейя удалялась с выражением столь явного сожаления, что все бывали этим тронуты. Она не притворялась и показывала себя такой, какой она и была.

Размолвка и убийство сына тяготила её кошмаром. Перед сном она выходила на террасу дома, чтобы подышать освежающим ночным воздухом и полюбоваться видом, открывавшимся от Собора Исиды: неоглядный горизонт и дымчатое очертание малоазийского берега, где начиналась её громкая слава женщины-полководца. Тишина упоительной ночи нарушалась лишь шумом волн, которые разбивались о берег там, внизу, в двухстах шагах от террасы, по которой она прогуливалась.

Глава – 1

«Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворённое. Оставьте неразумие, и живите». Ублажай Тиннит, и она возлюбит тебя, даст наставление, научит правдивого, и она приумножит знание. Притчи Тин_ниТ.

У медных врат святилища, было лобное место, всё поросшее крепко ствольными деревьями и кустами – оно считалось у мистов священной рощей солнца. Воздух тут полон был приятной душистой пряности. Пахучая эта чаща не составляла сплошного массива зарослей, а была переплетением извилистых складок – прогалин, которыми мисты пользовались, как тропинками. В самой глубокой точке лощины находилась поляна святилища. Посреди неё была сооружена четырёхгранная каменная пирамида с высеченными символами плодовитости – маццеба, это конусообразный палец, который являлся фетишистским рудиментом, жезлом, средоточием магической силы. На цоколе пирамиды стояли дары: глиняные сосуды с землёй и зеленовато-белыми ростками. Было тут приношение и более затейливое, сложенное четырёхугольником деревянные доски, с натянутой на них грубой тканью, под холстом выдавалась нескладная, словно бы закутанная человеческая фигура женщины дарительницы. Покрыв, таким образом, контур родительницы и присыпав перегноем, засеяли его пшеницей, которую поливали це-

лительной водой, набранной из родника, а когда она взошла, подстригали, потому фигура лежала на земле зелёным рельефом.

Сюда Тейя привела мужа Гай Мельгарда, который охотно присоединился к Подруге Царицы, разгуливавшей некогда голышом в темнице пещеры Исиды и носившей теперь длинное, ниже колен, платье из тончайшего льна с вышивкой по краю и короткими рукавами. У неё был покрашен зелёню прорезь единственного глаза, который она поднимала к мужу с выражением яснейшего доверия и густые чёрные – гиацинтового отлива – волосы. Уши маленькие и крепкие, как её носик, длинно палые руки, одну из которых она прикладывала к спине мужа, когда они вместе шагали по тропе. Нрава, эта женщина была ласкового, приветливость Тейя была в нём. Но на невысокой этой женщине лежала, и тень робкой грусти, ибо учинённое осознание привело её к ответу: она знала причину той роли, с которой она приехала на лунный остров. А причина крылась в троне.

Постоянное такое чувство, стремление к власти, поддерживалось отношением к ней Гай Мельгардом, которое отнюдь не было лишено нежности и определялось решительной целенаправленностью. Так что стратег искал её общества, время от времени горячо и подолгу прижимал к сердцу, называл её супругой, и говорил ласковые слова. Поэтому Тейя привязалась к своему супругу, которым всячески восхищалась. Хотя всякая женщина при виде его улыбалась и

поднимала брови, он мог нуждаться в её привязанности. Да и сам Гай Мельгард чувствовал своё единство с этой женщиной в борьбе за трон, это не смущало и не затрудняло его, и даже наполняло счастьем и гордостью. Да, умный и расчётливый стратег доверял ей и как ни старался он вобрать в себя тревогу, она не сгущала в нём тень меланхолии, лежавшей на этом коварном и твёрдом человеке. Рука в руке, подходили они к вымощенной шестигранными камнями поляне.

– Милая Тейя, давай спустимся в этот овраг, в нём тропа более удобная.

– Хорошо, – ответила женщина. – Только не отпускай меня! Прыгать вместе безопаснее и веселей.

Они спустились на дно оврага, и пошли дальше. Достигнув заросшего миртового участка оврага пара, разняла руки и пошагала, друг за другом, тут тропинка между кустами была слишком узка. Гай Мельгард и Тейя Ань Нетери разговаривали и смеялись. Шагая между зарослями зелёного святилища, молодой стратег отламывал от кустов, по-весеннему белевших цветами, ветку – другую, набирая их в руки. Наконец они вышли к храму Мильк-Аштарет²⁷, который со-

---

²⁷ Мильк – покровитель города или племени. Избранный юноша на роль теплоты и жизненного огня, жертва, проявляющаяся в солнце Свойственные финикийской религии человеческие жертвоприношения, совершались через всеожжение. Приносилось самое дорогое – жизнь. Умерщвлённый юноша клался на простертые руки идола – тоффета, имевшего лицо тельца, внизу колодец, в нём горел костёр. Вопли мистов заглушались пляской и звуками ритуальной музыки. Мелькарт – женское дополнение, также чувствовалось человеческой жертвой.

ставлял лабиринт, блуждание, гольшом, в нём всегда забавляло мистов. Верующим было любопытно, далеко ли удастся продвинуться по какой-нибудь петляющей дорожке, прежде чем она упрётся в непроходимые заросли и можно ли в обход пробраться дальше или же нужно повернуть назад, рискуя сбиться и с этой, так далеко уведшей дороги и снова зайти в тупик.

– Нельзя тебе рвать ветки, – сказала Тейя, но и сама она помнила, как запасалась здесь миртом для венков, которые не разлюбила носить в волосах.

Она набрала веток, а супруг попросил сплести венок ему. Однако Гай Мельгард заметил, что Тейя стала недовольной, что она, не высказываясь прямо, оберегала особое своё право на это убранство. Тут крылись тайные женские мысли, которые водились в сознании каждой иерофантисы²⁸, ведь она была ею в прошлом. Гай Мельгард предположил, что невысказанная, но заметная ревность жены к такому украшению, каким-то образом связана с благословением, которое было женским приоритетом, однако этим дело явно не исчерпывалось.

– Не беспокойся, милый! – говорила Подруга Мельгарда, целуя мужа в тёплые щёки лица. – Я сделаю тебе воинский венок из дубовых листьев. Ведь он будет ещё красивее и по-

---

²⁸ Важнейшими лицами при мистериях были иерофант и иерофантиса, посвящавшие желающих в мистерии, дадух или факелоносец и дадухуза, иерокерак, произносивший при богослужении формулы.

чётнее, правда? Зачем тебе мирты! Они воину не к лицу. Мужчине нужно выбирать подходящие украшения.

И Гай Мельгард ответил:

– Верно, ты права, и я согласен с тобой, Тейя. Ты безмерно умна, и я не мог додуматься до того, что предложила ты.

– Муж мой, когда ты что-либо говоришь, я вижу и соглашаюсь с твоими мыслями, и они делаются моими, и я, как и ты, слушая меня, становлюсь умной твоим умом.

Гай Мельгард промолчал.

– Я знаю от луноликой Тиннит²⁹ – продолжала говорить Тейя, – что мирт, это символ юности и красоты. Так говорит Тиннит, когда у храма её по весне собираются десятки тысяч юных девушек – девственниц, которым и по звучанию, и по смыслу такие слова подходят. Они юны и красивы, в молитве они выются у пирамиды так, что весь мир только об этом и говорит. Я же теперь более забавна, чем красива, если поглядеть на мои ноги, то они стали коротки по сравнению со всем остальным. Живот у меня вздутый уже, как у подростковой девочки и щёки круглые, словно я надула их, не говоря уж о волосах на моей голове. Так что если мирт касается красоты, то, конечно, он подходит мне, и я совершу ошибку, не украсив им себя. Я прекрасно знаю, что в таких вещах

---

²⁹ **Танит (Таннита)** – богиня, особенно почитавшаяся. Была лунным божеством, из-за чего носила эпитет – лицо (проявление) Ваала. Супруга Баал Хаммона, светоча ночи. Девственная форма Астарты. Основательница и покровительница города. «Владычица Танит, проявление Ваала и владыки Ваала Хаммона, ибо она благословит его».

можно ошибаться и причинить тебе вред. Видишь, я и сама, без твоих слов, кое-что понимаю, но, конечно, не всё, ты уж помоги мне.

– Милая Подруга Царицы, – сказал Гай Мельгард и обнял её одной рукой. – Мне очень нравятся твои выхоленные волосы, да и животик, и щёчки вполне хороши. Ты моя супруга и одной со мной плоти, ибо мы вышли из одной и той же пены пучины... Давай спустимся к камню и отдохнём.

– Давай, – ответила Тейя. – Мы поглядим на рощу женщин, и я объясню тебе о погребении, которому тоже были бы к лицу мирты, ибо они украшают смерть. Да, народ скорбит о юности и красоте, и скорбит по той причине, что Исида заставляет плакать своего избранника Мелькарта и губит того, кого любит. От того мирт и сльвёт кустарником Мелькарта и Мота-Смерти³⁰. Вбери его аромат в себя, слышишь у веток острый запах? Горек и терпок миртовый убор, ибо это убор жертвы; он назначен назначенному. «Посвящённая солнцу юность», – вот имя жертвы рождества. Но мирт в волосах женщины – это растение «не тронь меня» и женских месячных. «Теперь ты уже не обнимешь меня», – заметила Тейя. – Ты отнял свою руку, и твоя женщина идёт отдельно от тебя.

– Бери, вот моя рука, – сказал на её слова Гай Мельгард. – Ты моя благонравная жена и ты совьёшь себе новый венок из самых разных полевых цветов.

– Твои слова милы, – говорила женщина. – Дай твой хи-

---

³⁰ Мот – владыка смерти.

тон, чтобы я прикоснулась губами к его краю!

– Ты ещё красивее от таких слов и мне не всё равно, откуда исходит этот благовонный запах мирта, который я ощущаю носом, от роши или от твоих уст.

– Гляди, с прошлого посещения, даров прибавилось. Появились терракотовые божки. Женщины перед гротом поставили садики.

В складке горы Абант была пещера: высокая и с затворёнными медными дверьми. Она то и служила для праздничных обрядов.

– Там ли владыка, прекрасный образ, или он в другом месте?

– Образ Мелькарта³¹ на холсте и целый год его вообще никто не видит, и образ хранится в темнице. Только в праздник рождества выносят холст и иерофанты правят над ним обряд.

– Женщины хоронят его в колумбарии Мильк-Аштар?³¹

Гай Мельгард вслушивался в сам тон и ход её хорала, и у него возникало ощущение, что он улавливает упрёки из глиняных кувшинов колумбария – шёпот рассыпанных пеплом юношей.

– Сначала Община Знания ищет его, – ответила Тейя.

Они сидели у подножия камня – Пирамиды Мироздания, чёрного и шершавого. Тейя разглядывала его с боку. Туск-

---

³¹ Мелькарт – он в финикийской мифологии. Исиза Тан Бул и Халкидон – города, которые считались столпами Мелькарта.

льный блеск на подбородке показывал, что Гай Мельгард подбривал курчавую бороду; он делал это с помощью смеси масла и щелока и иберийского кривого ножа. Длинную бороду он не собирался отрастить: всё – таки, что стало бы тогда с его красотой двадцати девяти лет?

– Девушки-девственницы ищут его, – рассказывала Тейя, – ибо Мелькарт, их величественная пропажа. Даже старшие иерофанты, что спрятали его образ – проявляющийся Величеством на холсте – знают и не знают, где он. Тысячи девушек блуждают, ищут и плачут, плачут все вместе и в то же время каждая в одиночку:

«Где ты, прекрасный мой бог, мой супруг, мой сын, мой пёстрый овчар? Я тоскую о тебе! Что стряслось с тобой в роще, среди зелёных деревьев?»

– Но ведь они знают, – вставил Гай Мельгард, – что старик Мелькарт срезал семя своё и погиб.

– Нет ещё, – возразила Тейя. – На то и праздник. Девушки знают это, потому что это однажды было открыто, и ещё не знают этого, потому что ещё не настал час открыть это снова. У каждого часа праздника своё знание и каждая девушка – ищущая богиня, частица Тиннит.

– Но потом они находят владыку?

– Да, он лежит в кустах и пах у него на холсте вырезан. Столпившись вокруг него, они все воздевают руки и пронзительно кричат.

– Ты слышала и видела это?

– Ты знаешь, что я слышала это и видела, и сама девственницей участвовала – это чудесный праздник. Владыка лежит в кустах, вытянувшись, со смертельной, зияющей раной и девушки очень убиваются, когда его находят? До сих пор был только плач о пропаже, а тут начинается великий плач о находке, куда более пронзительный. Владыку – старика Мелькарта, оплакивают флейты, ибо в роще сидят дудочки, и, что есть силы, дуют в короткие флейты, рыданье которых пробирает насквозь. Девушки распускают волосы и делают свои первые эротические телодвиженья, причитая над мёртвым:

«О, супруг мой, дитя моё!»

Ибо каждая девственница подобна Тиннит и каждая девушка плачет устами богини:

«Никто не любит тебя больше, чем я!»

– Я не могу удержаться от слёз, Тейя. Для воина, смерть предводителя, слишком уж тяжёлое горе. К чему же понадобилось, чтобы старик растерзал себя в мире, где о нём так скорбят?

– Ты этого не понимаешь, – отвечала Тейя. – Он старец и жертва. Он спускается в преисподнюю, чтобы выйти из неё и прославиться. И Господин Тьмы знал это, когда заносил серп под семя. Но, когда нанёс он удар, на месте семени оказался юноша. Поэтому, принося в полную жертву юношу, мы вешаем на него ярлык из семени: знак замены. Но тайна замены глубже, она заключена в звёздном соотношении человека

и демона, она и есть тайна взаимозаменяемости. Как Отец приносит в жертву сына, так сын приносит себя в жертву, ибо сказано: намеренье жертвы есть намеренье сына, который, как на празднике, знает свой час и знает тот час, когда выйдет он из пещеры смерти.

– Скорее бы дело дошло до этого, – сказал Гай Мельгард, – и начался праздник радости!

Тейя Ань Нетери продолжала объяснять мужу ритуал, а жрицы, раскачивая туловищами, напевали:

«В дни Эшмуна играйте на лютнях, бренчите на сердоликовых кольцах!»

– Девственницы с плачем несут холст к камню, – говорила она, – а дудочки играют всё громче и громче. Ты видишь, как девушки хлопчут над образом, лежавшего холста у них на коленях. Они омыли его, умастили нардовым маслом. Затем они обмотают его полотняными повязками, закрутят в белые ткани и положат на золоченые носилки у черного конусообразного камня, не переставая плакать и причитать устами Тиннит:

«Скорблю о Мелькарте! Скорблю о тебе, возлюбленный сын мой, весна моя. вет мой! Хе Вау Хе! Хе Вау Хе! Я сажусь на землю в слезах, ибо ты мёртв, супруг мой, мой сын! Ты – тамариск, которого не вспоила на грядке вода, Который не поднял своей вершины над полем, Росток, которого не посадили в водоотводе, Побег, которого корень вырван, Трава, которой не вспоила вода в саду! Скорблю о тебе, мой

Мильк³², дитя моё, свет мой! Никто не любил тебя больше, чем я!»

– Ты знаешь песнь Тиннит дословно?

– Знаю, – ответила Тейя.

– Когда поют эти женщины, у тебя такой вид, словно и ты вот-вот зарыдаешь.

– Но Амалек – сын и возлюбленный Исиды, и он – жертва. Он юн и прекрасен. И является подменой нашему сыну Тайт Мосулу.

– И, стало быть, этот прекрасный юноша лежит на червлёных носилках четыре дня?

– Ты не забыл этого. Он лежит на носилках вплоть до четвёртого дня, и каждый день в рощу приходят паломники с дудочниками и бьют себя в грудь при виде его, и плачут:

«О Мелькарт, властелин мой, как долго ты здесь лежишь! О, бездыханный владыка, как долго ты здесь лежишь! Я не стану, есть хлеб, я не стану пить воду, ибо сила погибла, погиб Мелькарт!»

Но на четвёртый день девушки кладут его в ковчег. Владыке он приходится в пору, ведь его делают по мерке из сви-

---

³² Жертвенный юноша – Мильк. Отобранный из многих мальчик первенец – лет четырнадцати – проходил на весенних мистериях ритуал рождения: проползание между ног женщины, имитирующей роды. Тут идея зачатия младенца немощным стариком, которому услужит Хор (народ). Мальчика рожала демоница Тиннит. Замещала богиню Ханна (царица – проявляющая собой Тиннит). После родов, Тиннит становилась матерью Исидой. Взрослый юноша, по формуле обряда, становился супругом. Мирозозрение древней родовой семьи не знало узости ощущений моногамии семьи.

леватого, красно-чёрного дерева. Затем они приколачивают крышку и со слезами хоронят владыку, закрывают медные двери лона и плач продолжается ещё два дня, а на третий день, когда стемнеет, начинается праздник горящих светильников.

– Этому и я радуюсь. Народ зажигает бесчисленное множество лампад и повсюду, – признался стратег, – зажигают все, сколько есть. Вокруг домов, под открытым небом и в роще, и в миртовых кустах – везде горят плошки. Начинается самый горький плач, и до этого часа флейты ни разу, так душераздирающе, не вторили причитанью:

«О, Господин Мелькарт, как долго ты здесь лежишь!»

И долго после такого плача у девушек не заживают царапины на твёрдых грудях, но в полночь всё стихает.

Тейя схватила руку мужа.

– Всё стихает внезапно! – сказала она. – И всё молчит. В лоно вносится корзинка с семенем оскоплённых мистов. Вползает необоримый змей из красноголовых скопцов. Начинается акт. Народ стоит, не шевелится, безмолвствует. Но вот начинаются ритуальные роды. В обряд включаются женщины. И преосвященная иерофантида доносит голосом, звонким и радостным:

«Мелькарт жив! Владыка воскрес! Мелькарт разрушил жилище смерти и тени! Слава владыке!»

Она потрясает кадуцеем Мелькарта.

– И ныне, я знаю, народ дожждётся своего торжества и всё –

таки я, любовь моя, дрожу от волнения. А роженица избрана с тонкими чертами лица, я видел её, и будет пользоваться большим почётом.

– К народу выйдет вестница с лютней в руке, будет играть и петь:

«Мелькарт жив, Мильк воскрес! Слава Ему, слава, слава владыке! Вежды свои, что смерть сомкнула, Он их отверз, Уста свои, что смерть сомкнула, Он их отверз, ноги Его, что скованы, были, ходят опять, Цветы и травы повсюду, куда Он ни ступит, растут. Слава владыке, слава Мелькарту!»

Тейя рассказывала Гай Мельгарду о начавшемся празднике рождества, у которого есть определённые часы. О людях, что справляли его час за часом, зная следующий час, но освящая текущий. И все они знали, что образ хранился в темнице, и знали, что Мелькарт воскреснет. Запеленатое сосновое бревно распятия, которое таскали в шествии мисты, пока ковчег лежал за дверьми храма, являлось образом, проявлением Бога, хотя Бог и не образ. Образ – это орудие текущего времени и конечного праздника. А Баал Эшмун – это владыка праздника.

Сказав последние слова, Тейя надела себе на голову миртовый венок, совсем, как при девичестве, а Гай Мельгард глядел на символ Мота-Смерти широко раскрытыми глазами.

– О, Подруга Царицы, – воскликнул он в восторге, – как

идёт тебе диадема из белых цветов мирта, которую ты сделала для себя. Тебе она к лицу!

– На седьмой день начнётся ликование – продолжала говорить Тейя, – самый разгар весёлого праздника.

«Ковчег пуст!» – будут кричать. «Могила пуста, Мелькарт воскрес!»

Народ целует Тейю проявляющую собой Великую Мать и кричит:

«Слава владыке!».

Вновь будут целоваться и кричать:

«Славен Мелькарт!»

И будут девственницы, при свете лампад, плясать и водить ритуальные пляски вокруг кадуцея Мелькарта. Воздух огласится благой вестью. Встречаясь, люди будут дважды целовать друг друга и восклицать:

«Воистину воскрес!»

– Какой чудесный праздник, чудесный в каждый свой час! Но Мильк знает час, когда Мощь вознесётся солнцу от тоффета что водружён среди лабиринта из зелёного мирта у храма Мота – бога смерти. Астерий³³ склонит свои бронзовые длани, и жертва опять падёт на угли печи.

– Не «опять», – сказала жена. – Это всегда один и тот же, и первый раз. Всегда Исида исчезает с неба и спускается, чтобы разбудить и родить сына Милька, это событие ныне и происходит, на седьмое утро праздника материнское чрево от-

---

³³ Чудовище с телом человека и головой быка.

верзнется.

– Тейя, перейди к другому часу истории, с тут дело обстоит не так просто. Многие называют Мелькарта не владыкой, а владычицей. Народ имеет при этом в виду судьбу, и луну девственницу, и звезду мать, и многих других, с которыми они супружатся. И нам приходится называть поимённо его ипостаси, и ловкая многозначность грешит против правды. Небо, которое орошает поля, имеет одну грудь женскую, а другую – мужскую.

– И Аштарет, утренняя звезда и вечерняя, и она, и то, и другое – вечером женщина, утром мужчина.

– Ну, как тут не сотворить мир? Как не погрешить против правды? «Мелькарт – дева, женщина и рождённый юноша, и только в силу своей смерти», – говорил Гай Мельгард, помня древние тайнописи.

– Уверяю тебя, смерть способна изменить пол.

– Конечно! Если при жизни Смерть была женщиной.

– Дурачок, я рассказываю тебе о людях, что живут там, за чертогом и о том, что они думают об общепонятном. Ведь и ты подобен амуру всевышнего, первого и первейшей, владыки и владычицы. Подобны лукумону³⁴, который обручён и обручена с нашим племенем, ибо ты – кровный жених, а я – невеста, но и это ещё вопрос – невеста я, или жених. Отец и Мать – лунное яйцо.

– Тейя, я тоже так думаю, когда я нежен с тобой, милая

---

³⁴ Господствующий образ правления олигархами – лукумонами.

моя Тейя! – воскликнул Гай Мельгард, обнимая жену обеими руками. – Тебе прекраснощёкой суждено было идти на восток к полям Иару³⁵, ради моей жизни. Ты меня, как Звезда, ведёшь меня за руку в рощу, в мир, под зелёные деревья и сплетаешь мне венки, как сплетала бы их Исиза Мелькарту из дубовых листьев; сплетаешь не всякими ветками, а само собой разумеющимися.

– Пойдём муж, пора! Ты говорил, что у меня очень нежные щёки и что они благоухают, как лепестки роз, когда ты их целуешь: так, как если бы я была подобна плодоносящему дереву, которое распахнулось бы и выпустило отпрыска! Как было при первом рождении Мелькарта.

– По-видимому, ты имеешь в виду первородного наследника, и растенья «не-тронь-меня». Теперь я думаю о Мелькарте, о полной жертве и о посвящённой юности. Твой миртовый венок – украшение жертвы, – он меня пугает.

– Я поняла тебя, любимый, мир скорбит о первенце и плачет. Мелькарт – Не-Тронь-Меня, слывёт кустарником Смерти и губит в себе тех, кого он любит... Пойдём муж! Горек и терпок миртовый убор.

Удивительно проникновение в тайники человеческого чувства, дорогой читатель, удивительно и ощущение его страсти; так же остро и касание к чувствительной, лириче-

---

³⁵ В «Книге Мёртвых», связанной с загробным судом Осириса, в результате которого души благочестивых людей отправляются на поля иару, или иалу, – поля блаженных, а души грешных отправляются на окончательное уничтожение.

ской красоте природы. В этих строках я осведомляю тебя о результатах возросшего самосознания древней личности, самобытность человека, предоставленного самому себе в узких рамках частной жизни в обстановке зреющей государственности, о желании человека уйти от серой, будничной повседневности. Погружение и углубление его в мистические грёзы, это – результат возрастающего индивидуализма и субъективизма, характерного не только для описываемой мною эпохи. И нигде самостоятельность субъекта не доходит до абсолютизирования. Нигде он не уничтожает самого объективного бытия, а везде человек, так или иначе, только его видоизменяет. Вот это – то видоизменение бытия, которое отмечается в литературных жанрах всех прожитых нами веков и позволяет видеть в них безусловные романтические тенденции.

Глава – 2

Чрез меня умножатся дни твои, и прибавится тебе лет жизни. Если ты умён, то мудр для себя; и если буен, то один потерпишь. Тиннит садится у дверей дома твоего на стуле, на возвышенном месте города, чтобы звать проходящего по дороге, идущего прямо своим путём. Притчи Тин_ниТ.

Со скорби начиналось пребывание мистов у горы Абант. Во-первых, потому что святилище Пан Ти Капища, куда за оракулом прибыл Гай Мельгард, было темницей преисподней вообще. Во-вторых, потому что привлекался, задерживался и не отпускался тот, кто в него попадал. И, что Смерть, действительно и буквально, господствовала страной «Откуда никогда не возвращаются». А это значило, что человек, окунувшийся в это святилище и вобравший в себя «в смерти жизнь», не сохранял своё прежнее духовное состояние и свою внешнюю форму, и не оставался уже самим собой.

Возвращение переселенца через двадцать пять лет в прежние места уже не имели никакого касательства к тому человеку, который, отправляясь в путь на запад, рассчитывал вернуться на родные земли через полгода. Они часто становились колдунами, делавшие свою способность пророчествовать, в исступлённом состоянии, источником заработка. Они были вещунами, которые, странствуя или сидя у пещер, добывали деньги и съестные припасы, указанием благопри-

ятных для тех или иных дел, дней. Это были важные люди, ибо так представлялись местным жителям эти безумцы. Они наносили себе раны, ели мясо быка, ходили с железными рогами на голове, или вовсе голые – это им подобало: рога и нагота. Основой их эмблемы являлись рудименты трех сезонного года. Зимой, в образе змея – отсюда у них змеиный венец. Весной, превращались в быка, а в козла или оленя в день летнего солнцеворота. Демонстративным обрядовым блудом домогались они для хлебопашцев плодородия земли. Люди сознавали это с благоволением, так как обладали той повышенной чувствительностью, которой отличалась их религиозная традиция, где разумение Бога начиналось эротическим танцем. Это уже было «Ханааном»³⁶, с которым связывалась тёмная история. “Ханааном”, в котором ходили голыми с открытыми половыми отличиями, обнажёнными водили хороводы и совершали обрядовые акты с лоно угодницами.

Тут всегда есть Мелькарт; но при этом он приходит и уходит подобно тому, как всегда, уходит и приходит солнце. Старик Мелькарт уходит. Я намекаю на то, какие события доносит до нас время. Тут начало смены престола, плачевный закат года и ликующий рассвет рождества, от которого люди ждут повторного поворота, веря, что отныне вместо несправедливости воцарится справедливость и «луна будет

---

³⁶ Ханаан – титул отца и матери неба. На земле титулом владели, по представлениям финикийян, Ханна и Ханнон (Дарящие).

восходить правильно». Это для всех достаточное основание радоваться после дней траура и пепла жертвы, которое объяснялось искренней скорбью об уходе старой эпохи.

Много дней готовилось торжество, прежде чем холст с Величеством Мелькарта на влачимых волами салазках, на которых покоился саркофаг (под красно-чёрным балдахином магалия), в сопровождении, спереди кадилыщиков и водокропильщиков, а сзади совершенно убитой горем свиты, доставили к благоустроенному Вечному Жилищу, что за медной дверью адетона. Здесь над «мертвецом» был совершён богоугодный обряд «отвержения уст» копытцем посвящённого Хору тельца.

Община Знания сидела, уткнув головы в колени, а народ предавался шумной скорби. Весь Горизонт Хора³⁷ скорбел, чтобы восславить новую не знающую несправедливости эру, когда луна будет восходить правильно. Скоро жрицы и жрецы Общины Знания поднимутся, чтобы, ликуя приветствовать новое наследное солнце, приятно красивого юношу, которому четырнадцать лет. На некоторое время бразды правления должны будут перейти к нему и к вдовствующей богине. Мощью Хор – был этот юноша, а «Не-Тронь-Меня» являл собой его титул:

«Сильный боевой бык, любимец обеих богинь, величественный, золотой сокол, поднявший венец. Мелькарт – пре-

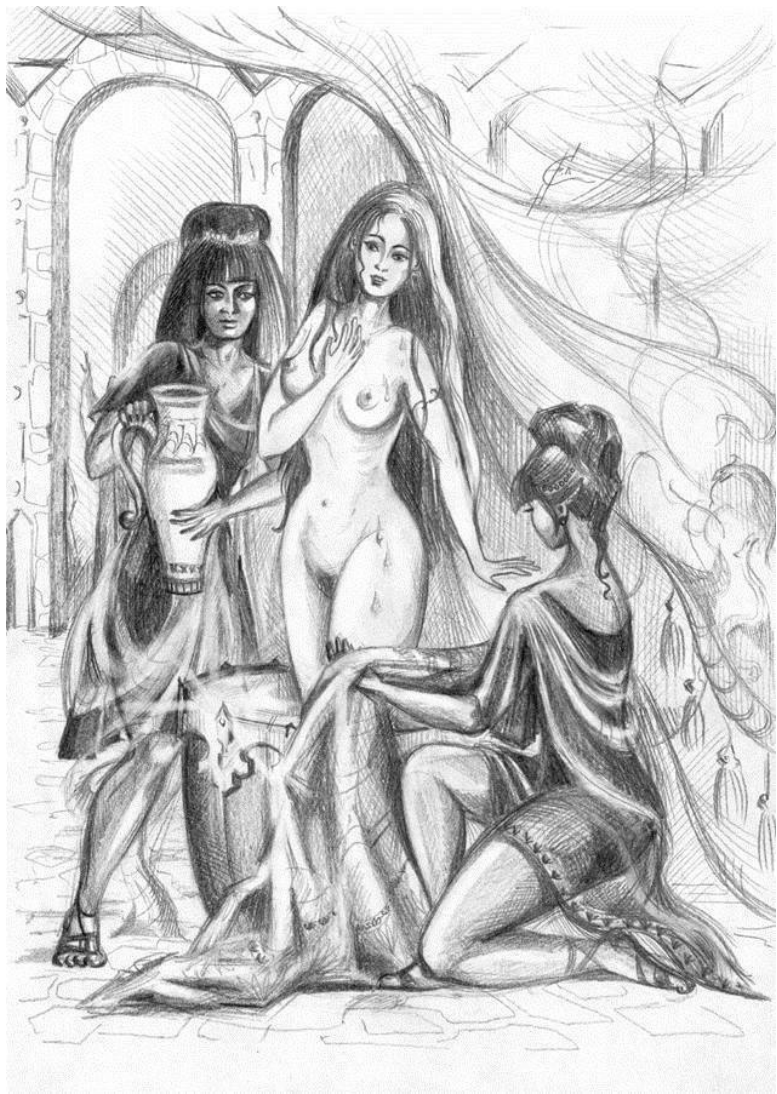
---

³⁷ **Хор** – он сын Исиды и Осириса. Его главный противник – Сет. У финикийян: знатный, важный, великий народ – хор.

красный обличьем своим, Он, который Единственен, и для которого Он единственен. Сын Солнца – властитель Красного Марса, величественный постоянством, живущий вечно, любимый владыкой неба. Он – первосвященник, ликующий над Горизонтом Хора в силу своего имени «Жар, что пылает». И было крайне необходимо, чтобы юноша, прежде чем, в свою очередь, покинет землю и продолжит солнечный род, ещё при жизни обручился с Исизой, которая становилась его Великой Супругой. Она будет повелительницей четырёх сторон горизонта Хора, она получала от Мелькарта прозвище «Прекрасней всего прекрасного».

Глава – 3

Воды краденые сладки и утаённый хлеб приятен». Отскочи, не медли на месте, не останавливай взгляда на ней. Таким образом пройдеши воду чужую. От воды чужой удаляйся и из источника чужого не пей. Поживёшь многое время, прибавишь себе лета жизни. Притчи Тин_ниТ.

Привод Ханна к святилищу был торжественен. Женщину отмыли дочиста, умастили, поддурмянили лицо, расчесали волосы и по традиции украсили голову, шею и руки жемчугами и драгоценными камнями. В таком приукрашенном виде, в сопровождении крылатых теней, под песнопенья и звуки лютен, привели её к «трону создающего царя», чтобы вверить её Суду Двух Истин – Миропорядку.

Кем же была подмена Тейи Ань Нетери, кто же эта невеста, и как её звали? Все это знали, но это нисколько не уменьшало ощущения торжества и не уменьшало радости зрителей по поводу того, что им сообщат о родах сызнова. То была девушка Элишат, дочь жреца Гуднама сына Ариша. Обручение и фиктивное материнство были этой девушке заказаны. Девичество Солнечной Дочери облакалось особой бронёй святости и неприкосновенности: неприкосновенности, по сути, ждущей прикосновенья. Храня некогда девственность строго, она была девой из дев, ведь омытая в святой воде вышла она обновлённой девушкой, в первую очередь – воплощением девичества. Имя – «Девушка», было даже собственным её именем: так звали и называли её именем «Тиннит». Супруг её Баал Хаммон – Светоч Ночи, по всеобщему понятию, должен был совершить божественное зачатие, оно тут облагораживалось. Однако отношения между божественным зятем и родителями девушки, особенно ломающей руки её матери, всегда были напряжёнными. В известном смысле, родители

так никогда и не признавали принадлежности их дочери мужу, и в договоре обручения оговаривалось, что дочь не обязана находиться при мрачном своём умыкателе безотлучно, а может возвращаться к Солнечным своим родителям. Условие это было исполнительным и супруга, как – то и водилось, гостила в родительском доме.

Девушку заранее готовили к своей роли. При всей внешней готовности к ней, Элишат была не только очаровательной, но и очень благодетельной, кроткой и послушной девушкой, до безволия покорной воле своих знатных родителей и рода. Отличительной чертой её характера было сочетание общительности и явной уступчивости, с терпимым приятием женского своего жребия. Лицо у неё было типично тинкийской вылепки, тонкокостное, с несколько выдающейся вперёд нижней челюстью, не лишённое своеобразных черт. Щёки, однако, уже не сохраняли детскую полноту, не были полными и губы, но с сохранившимся плавным углублением между подбородком и ртом. Лоб был чистый, носик чуть-чуть широкий, а большие, красиво подведённые глаза, глядели пристальным взглядом, похожим на взгляд глухих. Взгляд этот выражал внутреннюю сосредоточенность, даже насто-роженное ожидание приказа, который вот-вот будет, готовая смутно – внимательно услышать зов судьбы. Подтверждало это её ямочка на щеке, появлявшаяся, когда Элишат говорила. Лицо её было неповторимо приятно.

Девушка произносила оправдательную речь Суду Двух

Истин:

«Я не чинила зла людям. Я не нанесла ущерба скоту. Я не творила дурного. Я не кощунствовала. Я не поднимала руку на слабого. Я не делала мерзкого перед богами. Я не угнетала раба перед лицом его господина. Я не убивала. Я не приказывала убивать. Я не истощала припасы в храмах. Я не портила хлеба богов. Я не присваивала хлеба умерших. Я не сквернословила. Я не гасила жертвенного огня в час его. Я не пропускала дней мясных жертвоприношений. Я не распугивала стада в имениях бога. Я чиста, я чиста, я чиста!..»

Было красиво сложенье её тела, проглядывавшее сквозь тканый воздух обмоток. Оно отличалось тонкой от природы талией, при соответственно широких бёдрах и удлинённом животе, то есть лоне, вполне способном родить. Твёрдая грудь и тонкие руки, которые Ханна держала вытянутыми во всю их длину по ложу, тонкие перста довершали девичий, янтарного цвета, образ. Естественен был жребий Элишат, дарованный ей уступкой мирских обстоятельств. Её роль и задача в замысле лунных мистерий, была роль и задача перенесения в солнечный мир хранителя мироздания – Ханаана, спасителя рода человеческого. Элишат сознавала или, во всяком случае, чувствовала эту миссию, видя в обстоятельствах целенаправленную обособленность своего поступка.

Дождь и мужская влага этой страны получалась не от земли, а от НЕБА, когда могучий бык покрывал корову и не выпускал её из своих объятий, даря ей плодородие. На Крас-

ной Земле жило стадо быков, из которых избирался великий бык, живое повторение владыки, зачатый от луча небесного света коровой, которая затем уже никогда не телилась. Ядра этого владыки были столь же могучи, как ядра великого быка в Египте. Великий Бык жил за бронзовыми дверьми, в глубине, открытой небу колоннады, с каменными парапетами между колоннами, на полувысоте которых, проходили изящные притолоки этой ограды. На плитах двора толпился народ, когда служители выводили, из освещённого лампадами стойла-придела, быка, чтобы люди видели, что бог жив и приносили ему жертвы перед тем, как его закалывали освящённым копьём.

Удары литавр возвестили отворения ворот и во двор вывели Бога. Толпа пришла в великое возбуждение. Люди падали ниц, чтобы поцеловать землю. «Баал! Баал!» – кричали люди. У украшенного венками быка, на лбу сверкала золотая пластина, отражающая отблеск факелов. Воздух дрожал от гортанного придыхания, каким начиналось вырвавшееся из сотни уст имя бога. Оно было также и названием влажного потока, создававшего духовный мир и его кормившего. Это было имя солнечного быка – «Мелькарт», обозначение всех сил плодородия, свою зависимость, от которого люди знали, это имя страны и людей, это имя жизни: от того изображали Мелькарта с рогами быка. При всём своём легкомыслии, народ был глубоко взволнован, ибо его благоговение слагалось из надежд и всех страхов, какими наполняет

грудь, строго обусловленное бытие. Они думали о собственном теле и об его отправлениях, доставлявших наслаждение и удовольствие. Они думали о живости женщин и о здоровье детей, думали о Мелькарте, которого они называли «сильным быком».

Тут думали об Эшмуне. Этот лукумон защищал переменным своим лицом, он осуществлял связь между собой и тем, от чего зависело что-то. «Владыка! Владыка!» – кричал народ в боязливом восторге, угнетённый сознанием опасности и строгой обусловленности бытия. С надеждой люд взирал на богозверя, на его ядра – залог плодовитости. «Храни народ!» – вот, какой смысл они вкладывали в свой крик. – «Храни народ! Защита и благополучие!»

Бык был черен: чудесно смотрелся на черноте спины пурпурный чепрак. Два обритых иерофанта, в белых льняных одеждах, отделанных широкой чёрной полосой, держали быка с обеих сторон за золоченые поводья. Один из них показывал народу белое пятно на боку живого проявления бога, считавшееся отпечатком серпа луны. Другой иерофант, держа за ручку курильницу, протянул её под морду быка. Бык принялся раздувать толстые, влажные ноздри, раздражённые пряным дымом, он мощно чихнул и народ стал кричать с удвоенным воодушевлением. Это воскурение сопровождалось игрой арфистов, которые сидели, подобрвав под себя ноги, и с обращёнными к богу лицами пели гимны. Корибанты, юноши с прядями непорочности на голове, начали хлопать

в ладоши в лад музыке. Показались девушки-девушечницы с вьющимися непокрытыми волосами. Они выходили обнажёнными в одних только пёстрых поясах на персях над узкими бёдрами. Рядом старшие иерофантисы в длинных, прозрачных, как фата, платьях: открытых – позволяющих увидеть женственность. Посвящаемые девушки обходили Бога в пляске, они потрясали над головой систрами и бубнами и поразительно вились возле юношей-корибантов, высоко поднимая вытянутые ноги.

Священный чтец нараспев читал с таблиц Некрономикона текст, который повторялся, подхватываемые народом, слова:

«Баал – это Эшмун! Баал – это Хор! Баал – это Мельгарт, сын и супруг Аштарет!»

Бык, широко расставив ноги, глядел большими глазами на девушек, которые прощались со своим девичеством, и которым радостно было знать, что находятся под надёжной охраной. Бык был их пленником. Зачатие, которое он им сулил, было причиной их ликования.

Гай Мельгарт приветствовал Владыку воздеванием рук.

– Видеть Владыку приятно, – признавалась Тейя мужу. – Он придаёт Мощи и Силы, и придаёт бодрости. Я милый знаю по опыту, что, повидав Хора, я могу целый день ничего не есть, по всему телу разливается сытность. Я чувствую себя так, словно родилась заново. Это величайший бык, живое повторение Бога.

Гай Мельгарт бросил на Тейю взгляд, который та истол-

ковала, как желание объяснить ему её слова:

– Ждёт ли Владыку жилище в городе мёртвых? – спросил он.

– Запад: нами принято называть его городом мёртвых моргающих глаз. Замечание твоё разумно, но всему свой час.

– Эшмун велик и нет ему равного.

– В этом не сомневайся, – подтвердила Тейя. – Но Сильный Бык умрёт, а из лона храма выйдет солнечный ребёнок Мильк.

– Значит скоро подойдёт жрец, который особыми приспособлениями откроет ему рот. Покормит его и подкрасит ему щёки румянами жизни, сделает то, что делают с мертвецом на его поставце могилы, когда рядом стоит Мот – Царь Смерти.

– Да будет тебе известно, что этот обряд состоит, прежде всего, в отвержении уст, чтобы умерший мог, есть и пить, и вкушать жертвы, которые ему принесут. А в знак возвращения к жизни, на щёки наложат цветущие румяна, каковые весьма отраднo видеть скорбящим.

– Мне нравится Красная Земля, чьим мертвецам незачем переправляться на другой берег, ибо город расположен на западном берегу. Мне нравится этот большой многоликий город, полный людей, которые ради удобопроизносимости, упрощают могильное имя, именуясь «Не-Тронь-Меня».

– Милый, да ведь таковой я тебе и прихожусь. На щеках женщин румяна – это знак возвращения к жизни, если счи-

тать матерью Яму. Ты ещё слишком молод, чтобы различать, что тебе полезней, но я тебе, как Царица Подруги, помогу.

Глава – 4

Кто мигает глазами, тот причинит досаду и устами преткнется. Уста – источник жизни, уста заграждают насилие. Ненависть возбуждает раздоры, в устах говор, а на теле – розга. Притчи Тин_ниТ.

Удивительна глубина Ань Тини о Кийского духовного мира. Взгляд теряется в нём, так теряется взгляд в величественной дали жизни человечества, взволнованное в разнообразии. Нам не в силах проникнуться к началам рода человеческого, как и к своему собственному рождению, и тем более ещё дальше, кроме как с помощью машины времени – книги. Древность скрыта мраком разрушения – эволюции сознания, шагающего по повергнутым мыслям. Скрыты эти мысли во временной толще, и вступая в культурную жизнь, как это сделало некогда человечество, я нахожу в себе какое-то сочувствие, какую-то отзывчивость, заставлявшую меня ощущать, узнать и преподнести, тебе читатель, это открытое вновь разнообразие, это неизменное, это удивительное изумление.

В этих строках идея неумолимого недруга, идея вторжения буйной разрушительной силы в беспокойный уклад современной жизни, устремлённой всеми своими надеждами к эволюции нашего сознания. Здесь рассказ о мнимо надёжном мире, о жизни, которая, радуясь, разоряет сооружение

первобытной дикости, с упорством развивая. Тут духовные зачатки верности и чести. Тут же рассказ о возникновении совершенства, о приходе идеи Бога и эта песнь продолжается до сих пор. При нашей зрелой поре человечества, давайте заглянем в ранние века, в которых попытаемся найти в себе старую человеческую отзывчивость.

Итак, Гай Мельгард присутствовал на обручении в числе приглашённых херусиастов, чтобы передать своему фавориту – Мелькарту, смертную невесту и мать, и заверить его, что обручение такое сулит ему много приятного. Кроме того, двадцать четыре девушки пришли вместе с царицей Ханной, которые вместе с царицей переходили в гарем Мелькарта: с ними мог ОН проводить свой досуг. Двенадцать из них обязаны были ликовать, рассыпать цветы и играть на музыкальных инструментах, а другие двенадцать – плакать и колотить себя в грудь, ибо церемония обряда – на освещённом факелами квадрате двора – очень напоминала похороны.

В открытом дворе высокий кадуцей. На высоком постаменте каменный обелиск Исиды, согласный с учением «Она-На-Вершине-Пирамиды» – древнейший вызов богу Эшмуну. Не от того будто бы Эшмуну были не угодны его же собственные проявления. ВЕЛИЧЕСТВО его находилось в окружении множества храмов. Причём, Госпожа и Господин (Эшмун), не, только терпели близ себя свои проявления, но верные своей ханаанской идее одобряли их многочисленность. При условии, конечно, что ОН – лукумон (царь богов

и самый богатый бог), будет над ними первейшим, и что время от времени они будут свидетельствовать ему своё почтение. За что двустаянная его сущность готова была благодарить их ответным визитом.

Но в храме Мелькарта, ни о каких свидетельствах лукумона, от которого происходило всё существенное, не могло быть и речи. Здесь не предвиделось никаких изображений, кроме крылатого диска, грозившего дерзко вознестись ввысь, напоминая времена, когда Эшмун был мал, а Мелькарт – в светозарных местах дня и ночи – велик. Тут Эшмун не вобрал в себя всего Солнца и Луны, тут он не был державным богом и царём богов.

Среди богов, как один из многих проявлений Эшмуна, Мелькарт имел право или, пожалуй, требовал, для собственного своего устоя, высокого существования. Но требовал он без дерзости, не поднимал у своей кандидатуры философской шумихи, как – то присуще было Эшмуну. Мелькарту надлежало помириться на том, что именно Эшмун сегодня государь, и владыка исконного множества собственных проявлений.

Между рождением и смертью, обручением и брачным ложем, лишением девственности и самим ритуалом акта, существовало известное родство, отчего в Невесте и Женихе есть что-то от умыкающей свою жертву «Смерти». Тут сходство между судьбой девушки – избранной закутанной жертвы, и переступающего важный жизненный рубеж зерна, ко-

торое брошено в недра земли, чтобы оно там истлело и вышло из тления на свет таким же, как прежде, зерном. Срезанное серпом семя, это печальная аллегория насильственной оторванности сына от матери, это послеродовое обрезание пуповины, это заново оживляемая судьба: поэтому в продуманном обряде рождения, серп Смерти играл важную роль.

Корибанты сыпали на каменные плиты зерно, а девушки, под определённые возгласы, поливали его из заранее приготовленных кувшинов водой. За чертогом храма, в этот текущий час, совершалось чудо божественного зачатия. Скоро жрицы водрузят на головы обрядные сосуды. Один отсек их был наполнен семенами, в другом горела свеча. То знак уже совершившегося акта.

Над увешанными пёстрыми тканями и над украшенными миртовыми ветками портиками горело много факелов, то было в порядке вещей в такие минуты. Было в них даже подчёркнутое обилие. Оно, конечно же, вызывалось практической необходимостью и находилось в прямой связи с упомянутым представлением об огоньке Милька в чреве матери. В каждой руке по факелу носила физическая мать невесты – царицы, трагического вида женщина, с головы до ног закутанная в тёмно-фиалковую одежду. Факельщиками были и все мужчины, участвовавшие в большом шествии, важном моменте праздника – привод в святилище девственницы: шествие, которое шло через весь остров и посёлок служителей храма, а затем к квадратному двору столпа – каду-

цея³⁸.

В наступавший час карнавал развёртывался в искусную и действительно достопримечательную факельную пляску. Двигаясь налево девятью витками спирали, хоровод дымящихся огней кружил вокруг белой вершины столпа. Через руки пляшущих человечков – повторяя все изгибы вращающегося диска – тянулась огненная лента. Увенчался этот выход подлинным фейерверком ловкости. Корибанты стали перебрасывать факелы из центра винта к его краям и обратно, без единого промаха. Ловкая игра факелами доставляла молодёжи удовольствие. Юноши, участвовавшие в спиральной пляске – в девичьем образе, а девушки – одеты юношами. Тут отождествление ДУУМВИРУ – двуполость жизни. Закутанные в фиалковые покрывала, как негодующая мать, они стали выражать негодование, потрясая факелом, что представлялось особенно страшным из-за надетых ими масок; леденящее сердце скорбь. Кроме того, у юношей под покрывалом были поддельные, как у беременных, животы, что изображало под сердцем матери растущий плод.

Гай Мельгард и Ань Тейя Нетери ни на миг не отрывали глаз от факельного танца, к которому присоединились теперь и прочие иерофанты и иерофантиды под ликованье и плач масок, рассыпавших миртовые ветки от двора к «трону создающего царя», на котором роженице предстоит родить

---

³⁸ В оккультизме считается символом ключа отворяющего предел между тьмой и светом, добром и злом, жизнью и смертью. Имел свойство примирять.

ребёнка.

Сватья стояла чуть наискось от физической матери Хан-ны и шептала через плечо, охваченной отчаянием матери, такое, что та и сквозь слёзы смеялась. Утешительница – обнажённая, высохшая, с отвисшей грудью старуха, со складками на животе. Она сидела верхом на супоросом борове и отпускала бесстыдные шутки, играя знакомую нам роль: такова тут была её обязанность. Старуха звалась – утешительницей и этим прозвищем величали её все кругом. Физическая мать слушая, этой всадницы, нашёптывания, нет-нет, да и прятала смех в складках своего скорбного покрывала, и когда это случалось, все раздражались смехом, то люди хвалили искусную утешительницу. Поскольку горе матери было традиционно-показным, то смех был естественным завершением притворной трагедии.

Своеобразен был жребий всадницы, дарованная ей свобода мешала образовываться материальному злу, являясь уступкой мирским обстоятельствам. Её роль и задача в замысле была ролью и задачей – перенесённого в мир жизни – хранителя-утешителя, как мы теперь понимаем проявлявшемся в её устах. Всё говорило о том, что в старческой отчуждённости нет отверженности, а есть лишь целенаправленная обособленность и, что на этом-то и основывается её старушечья вера в снисходительность Владыки Замыслов.

Глава – 5

Уста глупого – близкая погибель. Имущество богатого – крепкий город. Труды – к жизни, успех – к счастью. Храни наставление; отвергающий – блуждает. Притчи Тин_ниТ.

В наступивший час «Дарительница» приобрела свой смысл. Она рассуждала не только о собственной красоте, не только о напряжённой пытливости, но и о решимости. Ханна твёрдо решила вставить себя – с помощью женского своего естества – в историю мира: настолько честолюбива она была. И она непоколебимая, а как непоколебимая, так и благочестивая, решительно выражалась в религиозном рвении, известном под названием «вдохновение» и «одержимость». А когда ВЕЛИЧЕСТВО находило в человеческом теле прибежище, от человекобога ожидали совершения чудес. В глазах человека чудо являлось доказательством истинного учения чудотворца.

Но если упомянуть сознание раамонянина, то оно было образовано иначе и смотрело на чудо, как на обман, которым можно позабавиться, а если раамонянин был доверчив, то он смотрел на чудо, как на одну из таких вещей, которые иногда бывают на свете. В том и другом случае чудо ничего римлянину не доказывало. Совершенно лишённые теологического чутья, римляне не могли себе вообразить, чтобы божество, творя чудо, ставило себе целью доказать справедли-

вость какого-нибудь догмата. В их глазах чудо было или чем-то странным, хотя и естественным, или же актом, обнаруживающим близость Божества. Раамонянин на мистериях, по всей вероятности, рассуждал так:

«Это человек очень могущественный, может быть, даже бог», а не: «то, чему учит этот человек, истина», – как рассуждал бы тиникиец, но и для него чудо является не более, как необычайно сильным проявлением обычной способности.

Для человеческой природы знание немедленно превращается вволю, более того, люди затем и стремятся к знанию, чтобы питать им свою Волю, дать ей какую-то цель. Ханне достаточно было только узнать о целеустремлённости мира, чтобы связать с этой целеустремлённостью женское своё естество и войти в мировую историю, так как ей это представлялось. Кстати, уважаемый читатель, совершенно неправильно приписывать каких-то астральных субъектов в виде духов древней мифологии. Для древних людей мир един и материален, поскольку порождён чисто материальными первоначалами, которые являются его основой. Здесь неоткуда взяться чему-то нематериальному. Даже высшие боги материальны, разумеется, по их пониманию, их плоть более совершенна, а в жилах течёт не кровь, а божественная жидкость – ихор. Понятие о «боге» – Величестве, как о жизненной силе «пневме» имеется, но предполагает чисто материальное дыхание. Разумеется, рассуждали они, у богов, как

высших существ, есть возможность делать себя невидимыми, но это не значит – нематериальными.

Вера во вдохновение распространена повсеместно. Считалось, что время от времени отдельные люди могут быть одержимыми божеством. На это время собственная личность и тело выходят из повиновения. Бог заявляет о своём присутствии в конвульсивных вздрагиваниях и сотрясениях тела человека, в беспорядочных движениях и блуждающем взгляде, и всё это имело, будто бы, отношение не к физической оболочке, а к «Величеству», которое в него вошло. Все речи в этом аномальном состоянии воспринимались окружающими, как голос проявляющегося в нём и говорящего его устами бога. Само собой, в историю входит не каждый, и большинство скромно остаются на её периферии, даже в стороне от событий, не участвуя, и, что часто случается, радуясь своей непричастности к действующим лицам.

Ханна презирала таких людей. Как только ей предложили роль, она вняла предлагаемое, чтобы узнать, чего она хочет, и чего хотят от неё. Она не хотела быть в стороне. Она желала включиться чревом в поколения богов, которые велись, издали веков и вели к благу. Ханна хотела быть одной из праматерей солнечного Милька – мальчика «Не-Тронь-Меня».

Эта женщина была искательница, а её зрелая женственность не перечила девственности, которая возвращалась к ней с каждым омовением. Где в мире не встретишь заботы о ВЕЛИЧЕСТВЕ? Ханна была теперь одной из его носитель-

ниц и беспокойство, внушаемое ей наставниками, раздражало, как раз из-за этого высшего беспокойства, которое она носила в себе. Но завещанный ей культ природы не удовлетворял её пытливости, она помнила о существовании в мире чего-то другого, более жизненного – личной амбиции и мысль её напряжённо это выслеживала. Ханна относилась к таким людям, перед которыми стоит лишь появиться, ими загораются и начинают стремиться к ним. Её беспокойство по этому поводу нечто новое, которое она должна была извлечь из себя самой. И это новое уже появилось в её воображении, оно тревожило её чуткость, но пока она не могла к нему рвануться. Астатическое обаяние должно было сделать во времени шаг вперёд. Ханна должна была переменить поколение, направив своё амбициозное желание туда, где она должна была стать приёмной матерью, а мысленно ею легко было стать, тем более что в высокой сфере Мать и Возлюбленная всегда составляли единое целое.

К лону женщины тут относилось первое обетованье.

– Великая Госпожа, – говорила Ханна на ложе создающего царя – Великий Господин мой, выслушай возлюбленную свою, будь так добр, снизойди к моей просьбе, к моему непритворно страстному лону! Ты избрал меня и возвысил над дочерьми своими, ты Господин дал мне знание о мире, ты открыл мне беззвучные дотоле уста. Вы образовали меня, и я считаю себя вашим творением. За то, что я нашла милость ваших очей, за то, что вы ласково заговорили со сво-

ей рабыней, да вознагражу вас даром агнца. Да поможет мне в том девственница Тиннит, под чьими голубиными крылами обрела я надежду и бодрость! И всячески оберегая душу женскую от забвенья, которую вы дали мне, я буду хранить эту встречу в сердце всю свою жизнь. Своим детям и детям детей, я поведаю эту историю, чтобы дети мои не погубили себя, чтобы, подняв глаза и увидев солнце, луну и звёзды – подлинную реальность – продолжали служить сонму светил. Мать и Отец мои, вы просветили меня и образовали. Вы сделали душу мою разборчиво-тонкой. И я не могу уже жить жизнью, как не божественной и не могу, выйдя замуж за Бога, отдать женское своё естество смертному, как поступила бы при прежних обстоятельствах. А потому не сочтите наглостью, если ваша дочь и рабыня говорит вам об ответственности, которую вы возложили на меня. Вы передо мной теперь почти в таком же долгу, как я перед вами потому, что вы в ответе за богонравность царицы.

– Твои слова, – отвечал иерофант в мантии с красными и чёрными вертикальными полосами, – исполнены силы и вполне разумны; не согласиться с ними нельзя. Но скажи мне, куда ты клонишь, ибо я этого ещё не вижу, поведай мне.

– Теперь принадлежу я душой дуумвиру: только Эшмуну я принадлежу плотью, женскою своею статью. Он открыл моё девственное лоно, теперь позволь мне открыть себе глаза! Есть у его колоса побег – голубая лилия с первенцем: она как пальма у ручья, как стройная тростинка в низине. Посо-

ветуйся с могучим быком, чтобы он дал меня в жёны Мелькарту.

– Конечно, я поговорю с могучим быком и замолвлю о тебе слово. Право, мне не трудно решиться выполнить твою просьбу. Его дом примет тебя, перешедшую чертог вечности, Господин примет тебя с распростёртыми объятиями и скажет тебе: «Добро пожаловать!» Ведь благодаря божественному потоку влаги, могучий бык покрывает тебя, и целое время года не выпустит из благодатных объятий, чтобы можно было сеять и собирать урожай. Назначенный час миновал, поток семени выпрыснул из вершины Хоры, он разливается, набухает, растёт. Он родоначальник всех благ, зачинатель всех дел, он носящий имя – «Не-Тронь-Меня» и носящий титул «Царь города». Ему принесут в жертву быка, из чего видно, что Бог и Жертва едины, ведь на земле и в своём чреве он предстаёт быком, чёрным быком, со знаком луны на боку. А когда бог умрёт, им для сохранности начинят глиняный кувшин и укутают землёй в колумбарии, и он получит имя: «Мелькарт – Царь города, – Сын Тиннит».

– Каков бы он ни был – он от доброго семени, ибо в нём огонь-семя Эшмуна. Я люблю его и хочу возвысить его своей любовью, сделать его героем над горизонтом Хора.

– Героиня, – возразил маг, – ты сама, дочь Баалат и Баала, и они на тебя полагаются.

Ханна была красива, и было в её красоте, что-то, волновавшее мужчин: складка между колен вовсе не являлась

причиной волнения мужчин больше, чем сама тронутая её плоть. Волнение это было не плотским, а, как бы сказать, демоническим. У неё были карие глаза редкой красоты, тонкие ноздри и терпкий рот.

Ханна двигалась по течению времени.

Приближался час, когда Настоящая и Любимейшая родит сына. Священный иерофант уже не отходил от неё, маг собственноручно участвовал в уходе за роженицей. Бледная, будто бы измождённая и крепкая своим чревом, от которого плод готовился со слепой безжалостностью вытягивать соки и силы. Ханна, улыбаясь, приоткрывала белый ряд зубов из-под верхней губки. Она клала руку мага туда, где должны были ощущаться глухие толчки ребёнка. Через покров плоти женщины, он приветствовал Милька с уговором, поскорее выйти на свет из преисподней, ловко и осторожно, не причиняя чрезмерных страданий своей укрывательнице. Улыбающееся её лицо исказилось и она, притворно задыхаясь, сказала:

– Сейчас начнётся.

Краснолицые мисты необоримого змея пришли в величайшее волнение. Дрожащие огоньки лампад тускло освещали рельефы времени на стенах – бесчисленные изображения сцен из Книги Мёртвых. Новые члены братства Великой Матери – жертвователей семени-огня – всколыхнули воздух, они впились горящими глазами в раздвинутую складку женщины. Каждая часть тела женщины, была теперь раскута-

на от молитвенных лент. С радостной отвагой, не боясь никаких усилий и мук, приступила она к назначенному обрядом труду. И теперь, когда её час пришёл, она улыбалась уже не прежней, смущённой улыбкой, которая возникла от чрезмерного внимания красноголовых к её розовым створкам раковины, а улыбкой, сияющей от счастья. И глядели её красивые и прекрасные глаза в глаза изголовья любопытствующего змея, от которого ей предстояло родить – «Ещё одного».

– Умножь его, Госпожа! – таков был смысл просьб, посвящаемых мистов.

Теперь Мелькарт должен был умножиться. Ханна не боялась и была радостно готова выдержать всё, что выдерживали до неё прежние Ханны ради этого умноженья и женской своей чести. Она горестно хваталась за голову, когда её мнимо, рвало – ворожа пурпурные головы мистов, и призывала Мелькарта. Бледнела и чахла, живот её становился всё больше и больше, ибо естественное природное своекорыстие плода показывало тут всю свою бессознательную жестокость. Бог – скрытый в чреве – хотел окрепнуть и безжалостно, и себялюбиво высасывал все соки и силы из якобы беременной женщины. Он пожирал её, и при этом он не испытывал ни злых, ни добрых чувств. И если бы он мог выразить отношение к матери, то оно бы заключалось в том, что мать – это кормящая хранительница его роста, и, что доля её пасть на дорогу использованной оболочкой, ибо только он – единственно важное существо, которое вот-вот вырвется на

свет. Бог не мог ни подумать так, ни сказать, но таково было глубочайшее его убеждение. Именно этот час ждала Ханна – проявлявшая собой ВЕЛИЧЕСТВО Матери Аштарт – со спокойной готовностью. Она ожидала, когда под дельтой её чувств протащат мальчика, омоют и завернут в пелёнки. Скоро, восседая на троне создающего царя, на виду у мистов, приёмная мать позволит плоду проползти под складкой её ног. Как только мальчик выползет, его обвяжут ароматными цветами и привяжут к женщине. Затем, сын и мать, обнажённые, на виду у краснолицых мистов, сядут на трон.

Связь, возникавшая между ними путём наглядной имитации – акта деторождения, – являлась очень сильной. Нанесённое приёмному сыну оскорбление считалось у народов более тяжким, нежели нанесённое настоящему.

Счастливая Ханна!

Скрывай ненависть и уста лживые. При многословии не миновать греха. Сдерживающий уста – разумен будет. Уста пасут многих, а глупые умирают от недостатка слов. Притчи Тин_ниТ.

Эта женщина была бодра, полна добросовестной решимости не жалеть себя в назначенном ей ритуалом труде. Обряд к ней был доброжелателен и обходился с ней, отважной, уважительно, так что она жаждала такого материнства. И готовность её была принята. Слабые боли начались, но – будто бы, чтоб не беспокоить пурпурное изголовье неоторимого змея – она это нарочно скрыла. Но вот ослабевшая роженица, из которой крепкий её плод высосал всё, выразила резкую, дикую боль. Священный Маг, с высокой митрой на голове и роскошной мантии, догадливо стал на колени, помогая красивому юноше подготовиться к акту рожденья. Роженицу положили на балдахин, предложили подушки. Благодаря пряности, которую ей дали понюхать, она пришла в сознание и пообещала не терять сына.

– Я буду рожать тебя прилежно, – говорила Ханна, – чтобы ускорить дело и не задерживать тебя надолго в пути, дорогой Господин.

– Не робей, плодовитая царица, выдержи, как бы ни было тяжело! Сына ты родишь, поверь моей мудрости, – утешал

Священный Маг. – Такое уж это бойкое дитя.

И действительно: оно предполагало, что оно тут единственно важное существо, и оно решительно полагало, что его час настал, и оно рвалось на свет, стремясь отбросить от себя материнскую оболочку. Оно, как бы, само рождало себя в нетерпеливом натиске из голубиноного чрева. Рождало без всякого физического участия, несмотря на искреннюю готовность пособничества со стороны той, которая вскормила плод своей кровью-душой, но никак не могла произвести дитя на свет. Не напрасно Маг, бормоча советы и причитания, придавал её членам необходимое положение: наставлял женщину, как дышать, как держать и расставлять колени. Но мнимые приступы боли срывали всякую дисциплину. Рожевица всячески беспорядочно корчилась и металась, сжимая и раздвигая складку ног.

– Ай! Ай! – причитала она, призывая попеременно богов, – Ханна умирает!

Посвящаемые вскрикнули, те, кто был допущен к родильнице, протянули к ней изголовье змея. С большей силой возобновил маг однозвучное бормотанье, которое сопровождало роды почти непрерывно. Преосвященная иерофантита поддерживала голову отчаявшейся женщины, разбросавшей ноги на троне создающего царя.

– Всё пересилится, дорогая.

Иерофантита качала головой, пытаясь улыбнуться. Тут наступило затишье, во время которого бойкий плод словно

бы призадумался за чертогом своего времени. Первосвященница сочла затишье за добрый знак и заявила, что оно должно затянуться надолго.

– Уважаемая, сейчас опять бодро примусь за дело и принесу сына, Милька, – пообещала Ханна. То, что она в глубине души понимала и знала, она себе уже высказала. Это тайное её пониманье и знанье обнаружилось снова, когда над столпами Мелькарта всплыла Серебряная Барка Луны.

В складке ног заговорили створки розовой раковины.

– Это будет сын единственно праведной! – призналась Ханна. – И имя живому Богу пусть будет, Мильк. Так и зовите господина, которого я вам принесу, и пусть он помнит о Матери его сотворившей, прекрасным – по образу Господина и по своему подобию.

«Мудрая МаМа», такое было распространено имя Исиды – матери богов и родительницы людей, о которой говорили, что делает она мужчин и женщин, по собственному образу, и подобию Эшмуна. Гордости ради, Ханна ясно отождествила божественную родительницу с собой, как мать: мысли её шли верным путём. Ханна хотела подготовить изголовье змея, проникшего в лоно святилища, к тому, что – то, кого оно ожидало, приближалось.

– Мильк, о Мильк, – говорила она плача.

И в первый раз, как бы признаваясь, что всё поняла, она бросила в серебристый сумрак вселенной вопрос:

– Господин, что ты делаешь?

Но в подобных случаях ответа не следует. Но от того и удивительно, что при отсутствии ответа, Ханна не ошибается и способна понять величие непостижимого и, после чего, подняться ещё выше. По-прежнему причитал строки некрономикона маг, надеясь направить желательным для человеческой общины образом могучие разумные силы. Он смотрел на эти роды с благоговением и, к тому, со всей остротой взгляда: его труд над богом отражал на его лице выражение тревоги. Мильк продвинулся, и его продвижение находилось в известном родстве с «мукой» Ханны. Ведь это вполне отвечало сути юноши, ждущего своей минуты и стоящего в наготе на коленях в стороне от ложа, создающего царя. Нельзя забывать, что он считал себя мёртвым, принадлежащим царству мёртвых, где он теперь пребывал и нельзя забывать, какое имя он дерзнул перенять. Да и не так уж велика была его дерзость, коль скоро дети Эшмуна давно уж добились того, чтобы каждый из них сочетал своё имя с именем своего кумира, то есть так, чтобы это сочетание означало: умереть и стать богом. Полу осознанный страх юноши был связан с тайной догадкой, что взоры мистов, отрадно вкравшиеся в его жизнь, имеют пугающе далёкое и опасное отношение к плодовитости Мота, а значит – тоффету.

Ханна кричала, когда имитировала боль, которая не отпускала: сжав зубы, она продолжала трудиться с рвением, в полную. Когда боль казалась, нестерпима, она кричала дико, чудовищно, вакханическим воплем так, что это было ей не

к лицу и с ней не вязалось.

– О, возьми птицу, умоляю тебя, пусть ребёнок сойдёт вниз в мои руки, – просила Ханна.

Маг, который пытался облегчить роды, массировал её тело. То были движения эротического характера, ничуть не ускорявшие дела и только возбуждали священно счастливую, приятной нескончаемой мукой, от которого маска её лица розовела. Пальцы терпко сжимались и разжимались, маг блуждал по буграм груди, животу и по складке бёдер, повсюду ощущая вздрагивания возбуждённых мышц. Он молил бога, чтобы Ханна избавилась от пытки. И видя, что его растиранья помогают, бормотал, чтобы бог развязал узел женщины и пособил ей разрешиться от бремени.

Ханна стояла, упёршись коленями в трон, раздвинув крутые бёдра. Кисти рук упирались перстами в бока. Она, молча, глядела на борьбу ладоней мага. Из Ханны вышел последний стон, полный предельной ярости, который нельзя издать дважды и у мага появились другие дела. Из вспученной, кроваво-тёмной раковины жизни, вскрылся и отверзнулся сын Мильк – праведный сын бездны. Под Узлом раковины, лицом к ней и спиной к трону, проползал юноша. Он дрожал всем телом. Плод упал к ногам родильницы. Покрытая блёстками пота, стекавшего по её животу и спине, она пела песню изнеможенья. Врата узла её дельты разверзнуты.

Так вознаграждена была её ретивость.

Мильк появился на свет, когда бледно посветлело небо.

Перед зарёй преосвященная иерофантида с силой протянула юношу под промежностью ног Ханны, словно вырывала его из кольца вселенной. Мать увидела новую жизнь и улыбнулась. Она узнала его и взглянула на сына, который был под ней, неплотно смежила веки и зашептала:

– Пришёл ли ребёнок?

Она, дрожа, поцеловала его и говорила:

– Ты отвалил ещё раз от ямы... Вот и снялось с меня бремя, бремя ребёнка. Я принесла новорождённого сыночка светоча.

Слова ПРОЯВЛЕНИЯ Исиды умолкли, все пали ниц лбами на землю. А Ханна сидела, обнимая его голову и слёзы её неиссякаемо падали на грудь. Женщина держала приёмного сына на коленях, как бы намереваясь кормить его грудью.

– Он уже сосёт, – сказала мать, прижимая к сосцу дородного героя.

Лунные женщины распускали волосы, обнажали молочные груди и пели под флейту песнь о Мелькарте:

«Ты белей молока, молодого ягнёнка ты мягче, Тёлочки ты горячеей, вино виноградники юной свежее».

Иерофантиды вскидывали руки на темя и затем потрясали перстами молочные сосцы. Считалось, что время от времени люди могут быть одержимы ВЕЛИЧЕСТВОМ и на это время их собственная личность и тело выходили из повиновения. Все хоралы в этом аномальном состоянии воспринимались окружающими, как голос обитающего в человеке и

говорящего через него Бога. Мнимое рождение ребёнка являлось магическим обрядом, поступком веры, чтобы путём подражания и мимикрии вызвать действительную плодовитость в природе. Жрецы стремились сделать обряд более эффективным благодаря формулам и принесению жертвы на тоффете Астерия. Иными словами, магия перемешивалась с религией и от того получала большую силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.